

[Redacted]

[Redacted]

[Redacted]

[Redacted]

[Redacted]

[Redacted]

[Redacted]

Антигендерные движения [Redacted]

[Redacted]

[Redacted]

[Redacted]

в Беларуси, Грузии, Казахстане:

[Redacted]

[Redacted]

[Redacted]

[Redacted]

[Redacted]

сравнительный анализ [Redacted]

[Redacted]

[Redacted]

Оглавление

- 3 Глоссарий
- 4 Введение
- 6 Методология
- 10 Законодательный, политический и социальный контекст: основные изменения последних лет
- 23 Состояние правозащитного сектора в Беларуси, Грузии и Казахстане
- 32 Анти-ЛГБТ+ политика в Беларуси, Грузии и Казахстане
- 42 Антигендерная политика и состояние прав женщин в Беларуси, Грузии и Казахстане
- 51 Ключевые акторы антигендерных движений в трех странах
- 62 Антигендерные нарративы в трех странах
- 80 Влияние России
- 86 Формы феминистского и квир-сопротивления. Эффективные стратегии и лучшие практики
- 94 Заключение
- 97 Список источников

Глоссарий

Антигендерная идеология – это система убеждений, утверждающая, что гендерные роли являются естественными и неизменными, а любые идеи о гендерном равенстве, правах женщин и ЛГБТ+ людей являются угрозой «традиционному порядку». Такая идеология отвергает гендер как социальную категорию, настаивает на биологическом детерминизме и защищает патриархальные нормы как единственно допустимые.

Антигендерное движение – это сеть политических, религиозных, медийных и общественных акторов, которые распространяют и институционализируют антигендерную идеологию.

Антигендерные нарративы – это набор повторяющихся идей, и мифов, направленных на дискредитацию гендерного равенства, феминизма, прав ЛГБТ+ и концепции гендера как социальной категории.

Введение

В последние годы антигендерные движения стали заметным политическим и социальным феноменом по всему миру. Под антигендерной идеологией в данном исследовании понимается система убеждений, утверждающая, что гендерные роли являются естественными и неизменными, а любые идеи о гендерном равенстве, правах женщин и ЛГБТ+ людей представляют угрозу «традиционному порядку». Такая идеология отвергает гендер как социальную категорию, настаивает на биологическом детерминизме и легитимизирует патриархальные нормы как единственно допустимую основу общественного устройства. В политической и медийной плоскости эти установки проявляются через антигендерные нарративы – устойчивые наборы повторяющихся идей и мифов, направленных на дискредитацию феминизма, прав ЛГБТ+ и самой концепции гендера как социальной категории.

Антигендерные нарративы не существуют изолированно, а циркулируют и институционализируются через антигендерные движения, под которыми в рамках данного исследования понимается сеть политических, религиозных, медийных и общественных акторов, вовлеченных в распространение и нормализацию антигендерной идеологии. Эти движения оказывают влияние на законодательство, публичную риторику и условия работы гражданского общества, способствуя сужению пространства для прав женщин и ЛГБТ+ людей, гендерного образования и правозащитной деятельности.

Беларусь, Грузия и Казахстан представляют собой показательные кейсы для анализа антигендерных процессов в регионе ВЕЦА (Восточная Европа и Центральная Азия). Несмотря на множественные различия между этими странами – в том числе в политических режимах, роли религии и состоянии гражданского общества, – их объединяет постсоветский контекст, а также плотные исторические, культурные и политические связи с Россией (см., например, Sapsford & Abbott 2006).

Период с 2022 по 2025 год был выбран для анализа не случайно. Во-первых, именно в этот промежуток в данных странах наблюдается значительное усиление антигендерной риторики, сопровождающееся репрессивными законодательными инициативами

(например, принятие или активное обсуждение законов о запрете «ЛГБТ-пропаганды» и об иностранных агентах в каждой из этих стран), моральной паникой в медиа и ростом давления на феминистские и квир-движения. Во-вторых, начало полномасштабного вторжения России в Украину в 2022 году неизбежно влияло на весь регион Восточной Европы и Центральной Азии, усиливая политическую радикализацию, дискурсы секьюритизации, сохранения суверенитета и «традиционных ценностей». Наконец, исследование задумывалось как первая попытка сравнительного анализа антигендерных процессов в трех странах в условиях ограниченного временного ресурса, что также предопределило фокус на наиболее насыщенном и показательном периоде последних лет.

Цель настоящего исследования – провести сравнительный анализ антигендерных движений в Беларуси, Грузии и Казахстане, выявить ключевые нарративы и описать основных акторов, а также проанализировать формы феминистского и квир-сопротивления в ответ на усиление антигендерной идеологии. Особое внимание уделяется проверке гипотезы о том, что Россия выступает источником и экспортером антигендерной идеологии в регионе, влияя на развитие антигендерных движений посредством политического, экономического, медийного и религиозного трансфера.

Настоящее исследование представляет собой первую попытку провести картирование акторов антигендерных движений и проанализировать антигендерный дискурс в трех постсоветских странах (Беларусь, Грузия, Казахстан). Важно отметить, что данное исследование не претендует на полноту описания всей картины происходящего в трех странах. Мы не стремились к полному охвату всех аспектов, а сосредоточились на выявлении ключевых тенденций и проверке гипотезы о влиянии российской повестки на антигендерные нарративы в этих странах.

Актуальность данного исследования обусловлена как усилением антигендерных движений в регионе и мире, так и недостатком сравнительных эмпирических работ, фокусирующихся на перспективах самих активисток и правозащитниц. Полученные результаты направлены на углубление понимания антигендерных процессов, а также на обобщение стратегий сопротивления и формулирование практических рекомендаций для феминистских и квир-организаций, действующих в условиях возрастающего консервативного давления.

Методология

Данное исследование основано на качественной сравнительной методологии и сочетает несколько взаимодополняющих методов анализа: сравнительный анализ, дискурс-анализ, глубинные полуструктурированные интервью, а также теоретическую рамку феминистских, квир и деколониальных подходов. Такой многоуровневый подход позволяет проанализировать антигендерные процессы как совокупность идеологических нарративов, акторов и практик, а также выявить формы феминистского и квир-сопротивления в различных национальных контекстах.

Этап 1. Предварительное исследование и контекстуальный анализ

Первый этап исследования был посвящен прересерчу и реконструкции политического, законодательного и социального контекста в Беларуси, Грузии и Казахстане в период 2022–2025 годов. На этом этапе анализировались открытые источники, включая академические исследования, аналитические и правозащитные доклады международных и локальных организаций, тексты законов и подзаконных актов, журналистские публикации и расследования, а также материалы независимых медиа.

Задачами предварительного исследования было:

- первичное выявление ключевых акторов антигендерных движений в каждой из стран;
- идентификация доминирующих антигендерных нарративов;
- фиксация изменений в законодательстве и в публичной риторике, затрагивающих права женщин и ЛГБТ+ людей;
- формирование аналитической базы для подготовки гайда интервью.

Прересерч позволил сформировать предварительную карту акторов антигендерных движений и стал основой для дальнейшего эмпирического этапа.

Этап 2. Интервью

На втором этапе был проведен поиск информанто_к для глубинных интервью. Поиск осуществлялся методом «снежного кома» через партнерские сети феминистских, квир и правозащитных организаций и личные профессиональные контакты. В качестве информантов отбирались активист_ки и правозащитни_цы, обладающие практическим опытом работы с гендерными и/или ЛГБТ+ вопросами (либо на пересечении этих тем) и напрямую сталкивающиеся с антигендерной риторикой в своих странах.

Всего было проведено девять глубинных полуструктурированных интервью:

- Три интервью – с правозащитни_цами из Беларуси;
- Два интервью – с правозащитни_цами из Грузии;
- Четыре интервью – с правозащитни_цами из Казахстана.

Интервью проводились с 25 ноября по 29 декабря 2025 года. Язык интервью определялся самими информантами: пять интервью были проведены на русском языке (Беларусь и Казахстан), четыре – на английском (Грузия и Казахстан).

В ходе интервью обсуждались следующие блоки тем:

- положение правозащитного сектора в стране;
- репрессивная анти-ЛГБТ+ и антифеминистская политика в стране;
- восприятие антигендерных движений и их ключевых акторов;
- основные антигендерные нарративы и формы их распространения;
- предполагаемое влияние России как источника идеологии «традиционных ценностей»;
- стратегии, практики и формы феминистского и квир-сопротивления.

Интервью также использовались для уточнения и критической проверки данных, полученных на этапе предварительного исследования.

Процесс поиска информантов сопровождался рядом трудностей. В Беларуси и Грузии это было связано с общей репрессивной политической средой и вопросами безопасности. В Казахстане дополнительным фактором стали законодательные изменения (введение закона об «ЛГБТ-пропаганде») и перегруженность активисток в момент поиска, что ограничивало их готовность участвовать в исследовании. Отдельным вызовом стала чувствительность темы в контексте того, что исследование проводилось

российской исследовательницей и для российской ЛГБТ+ организации, что требовало дополнительного доверия и прозрачности.

Из-за описанных выше ограничений наша выборка смещена в сторону квир-активист_к, а также правозащитни_ц, работающих с ЛГБТ+ тематикой. Несмотря на наши изначальные планы включить фем-активист_ок и представитель_ниц квир-движения из каждой страны поровну, в ряде случаев участвовали в основном эксперты по защите прав ЛГБТ+ сообщества. Это сказалось на наших данных: темы анти-ЛГБТ+ риторики, стратегий безопасности и институционального давления на квир-сообщество освещены подробнее, а антифеминистская политика и феминистский опыт – менее детально. Это необходимо учитывать при использовании результатов исследования.

Этап 3. Дискурс-анализ антигендерных нарративов

На следующем этапе, на основе совмещения данных прересерча и интервью, были отобраны источники для дискурс-анализа. Для каждой страны были выделены ключевые акторы антигендерных движений (государственные, религиозные, медийные и общественные), после чего для каждого из них анализировались 2–3 текста (публикации, публичные заявления, интервью, выступления). В исследовании используется качественный критический дискурс-анализ (Critical Discourse Analysis, CDA), опирающийся на подходы Нормана Фэркло, Тена А. ван Дейка и Рут Вудак (Fairclough 2003, Van Dijk 2017, Wodak 2009). Данный теоретико-методологический синтез позволяет рассматривать дискурс не как нейтральное отражение социальной реальности, а как форму производства власти, норм и иерархий, в частности в отношении гендера, сексуальности и национальности.

В случае Грузии анализ сталкивался с языковыми ограничениями: исследовательница не владеет грузинским языком, а подавляющее большинство текстов публиковалось на грузинском. Для анализа использовались материалы, переведенные на русский и английский языки журналист_ками, а также тексты, автоматически переведенные с грузинского. В Беларуси и Казахстане ситуация складывалась иначе, так как акторы антигендерных движений активно использовали русский язык, а в Казахстане значительная часть материалов дополнительно дублировалась на русском. Языковой фактор учитывался при интерпретации данных и рассматривался как ключевое методологическое ограничение, особенно в кейсе Грузии.

Этап 4. Анализ данных

Анализ интервью осуществлялся с использованием тематического анализа, что позволило выявить повторяющиеся паттерны, расхождения и контекстуальные особенности в трех странах. Все типы источников сопоставлялись в рамках стратегии триангуляции для взаимной проверки интерпретаций и обеспечения согласованности выводов.

Ключевой аналитической рамкой исследования является пост- и деколониальный подход. Вопрос влияния России как идеологического и культурного экспортера антигендерной идеологии рассматривался критически, с учетом агентности местных акторов, локальных политических интересов и специфики национальных контекстов. Такой подход позволяет избежать редуционистского объяснения антигендерных процессов исключительно через внешнее влияние и рассматривать их как результат взаимодействия транснациональных и локальных динамик. При этом в интервью-гайде вопросы, касающиеся возможного влияния России, формулировались открыто и ненормативно: мы не предполагали влияние как данность, а предлагали информантам самостоятельно оценить его наличие, степень и формы проявления. Это позволяло минимизировать эффект наведения и сохранить пространство для альтернативных интерпретаций, включая сценарии, в которых ключевую роль играют преимущественно внутренние политические и социальные процессы.

Законодательный, политический и социальный контекст: основные изменения последних лет

У всех трех стран – Беларуси, Грузии и Казахстана – есть общее советское прошлое, важное для понимания современных политических и идеологических процессов, в том числе антигендерных. Все три страны формировались как союзные республики в составе СССР, что предполагало включение в единое правовое, образовательное, культурное и информационное пространство, а также подчиненность центру принятия решений в Москве. Советская модернизационная модель сочетала формальную риторику гендерного равенства (включая массовую вовлеченность женщин в оплачиваемый труд и декларируемую эмансипацию) с патерналистским государственным контролем над телесностью, репродуктивной сферой и публичной моралью (см., например, Tlostanova 2010).

Одновременно постсоветский переход сопровождался не только политической трансформацией, но и переосмыслением идентичности, в котором нередко происходил «национальный консервативный поворот» и частичная ревизия советского наследия. В рамках пост- и деколониальных подходов постсоветское пространство рассматривается как регион со сложной динамикой, где сохраняются культурные, языковые, экономические и медийные зависимости от бывшего имперского центра, но при этом активно конструируются новые национальные проекты (см., например, Gorshenina 2021, Sagatiené 2023, Tlostanova 2017). Такое общее историческое основание не означает однородности политических режимов или идеологий, однако задает сходные структурные условия, в которых транснациональные антигендерные нарративы могут резонировать с локальными дискурсами и адаптироваться к ним.

1. Беларусь

После президентских выборов в августе 2020 года, последовавших за ними масштабных протестов и их жестокого подавления в стране начались массовые репрессии, а пространство для гражданского общества значительно сократилось. Против активистов и участниц протестов до сих пор массово заводятся уголовные дела, их обвиняют в организации беспорядков, а также в «экстремистской деятельности»¹.

Весной 2021 года был принят закон о противодействии экстремизму, значительно расширяющий это понятие и позволяющий произвольно применять правовые нормы для ограничения любых форм самоорганизации². С начала массовых репрессий в Беларуси насчитывается как минимум 22 500 уголовных дел, связанных с обвинениями в «экстремистской деятельности»³. Экстремистскими признаются различные объединения, правозащитные организации, независимые СМИ и онлайн-сообщества (например, Телеграм-чаты). Также экстремистскими признаются разнообразные материалы: сайты, изображения, музыкальные композиции, видеоролики и т.д. За участие в экстремистской организации или ее поддержку предусмотрено уголовное наказание, за распространение экстремистских материалов (включая репосты и пересылку в личных сообщениях) – административная ответственность.

Несмотря на то что в Беларуси нет правовых норм, приравнивающих ЛГБТ+ активизм или поддержку ЛГБТ+ прав к экстремистской деятельности, существуют прецеденты, когда материалы ЛГБТ+ инициативы были признаны экстремистскими. Так, в марте 2024 года Центральный районный суд Минска признал экстремистскими информационные материалы TG House, белорусской транс-организации⁴. Кроме того, в списке экстремистских материалов есть материалы и аккаунты феминистских, ЛГБТ+ и квир-организаций, инициатив и медиа⁵. В октябре 2025 года феминистская инициатива «Фемгруппа Беларусь» была признана экстремистским формированием⁶.

Независимые правозащитные инициативы и медиа, общественные

- 1 Радио Свобода. (2025, 10 августа). Миллион «врагов» и изгоев. Беларусь и белорусы после протестов 2020-го. <https://www.svoboda.org/a/belarus-j-i-belorusy-posle-protestov-2020-go-/33499339.html>
- 2 Human Constanta. (2021, 10 июня). Обзор борьбы с «экстремизмом» в Беларуси за апрель-май 2021. <https://humanconstantat.org/obzor-borby-s-ekstremizmom-v-belarusi-za-aprel-maj-2021/>
- 3 Human Constanta. (2025, 15 августа). Беларусь: законы о противодействии экстремизму ставят под угрозу цифровые права. <https://humanconstantat.org/belarus-zakony-o-protivodejstvii-ekstremizmu-stavyat-pod-ugrozu-czifrovyje-prava/>
- 4 Outright International. (n.d.). Country overview: Belarus. <https://outrightinternational.org/our-work/europe-and-central-asia/belarus>
- 5 Министерство информации Республики Беларусь. (n.d.). Республиканский список экстремистских материалов. <http://mininform.gov.by/documents/respublikanskiy-spisok-ekstremistskikh-materialov/>
- 6 Reform.news. (2025, 10 октября). «Фемгруппу Беларусь» признали «экстремистским формированием». <https://reform.news/femgruppu-belarus-priznali-jekstremistskim-formirovanijem>

фонды и объединения принудительно ликвидируются⁷. Кроме того, ситуация в правозащитном секторе осложняется усилившимся контролем со стороны государства над финансовыми потоками из-за обвинений в «финансировании экстремизма». Большинство уцелевших организаций вынуждены работать онлайн и в изгнании (в особенности это касается ЛГБТ+ организаций), а о тех, кто продолжает деятельность внутри страны, зачастую нет достоверной информации. Периодически в Беларуси ведутся дискуссии о принятии закона об иностранных агентах, подобного российскому, однако на январь 2025 года такой закон не принят⁸.

Репрессии против правозащитного сектора затронули организации, занимающиеся правами женщин и ЛГБТ+ людей, а также помогающие жертвам домашнего и сексуализированного насилия⁹. На сегодняшний день практически все функционирующие женские общественные объединения и организации внутри Беларуси связаны с государством и транслируют провластные и консервативные нарративы. «Белорусский союз женщин» — одна из крупнейших и наиболее влиятельных среди них¹⁰.

При этом проблема домашнего насилия в стране стоит остро. Привлечь агрессора к ответственности сложно: специальный закон о домашнем насилии не был принят, и власти регулярно высказываются против его введения¹¹, официальной статистики по стране нет¹². Беларусь также не подписала Стамбульскую конвенцию — ключевой международный документ по борьбе с насилием в отношении женщин. Кроме того, в стране нет антидискриминационного законодательства, прямо запрещающего дискриминацию по признаку гендерной идентичности и сексуальной ориентации.

Полномасштабное вторжение России в Украину в 2022 году повлияло на внешнюю и внутреннюю политику Беларуси: страна предоставила России свою территорию для базирования войск и попала в большую зависимость от нее, в то же время внутри Беларуси ужесточились репрессии против несогласных с политическим режимом Лукашенко, а также с российским вторжением

- 7 Беларускі дом правоў чалавека імя Барыса Звозскава (2023, 15 мая). Хронологія парушэнняў свабоды асацыяцый і праследвання арганізацый грамадзянскага грамадства ў Беларусі. <https://belhumanrights.house/news/Lawtrend-hronologiya-narushenij-svobody-associacij-i-presledovaniya-organizacij-grazhdanskogo-obshestva-v-belarusi>
- 8 Reform.news. (2024, 18 сентября). Беларусь, возможно, примет законодательство об «иноагентах» после выборов — Карпенко. <https://reform.news/belarus-vozmozhno-primet-zakonodatelstvo-ob-inoagentah-posle-vyborov-karpenko>
- 9 RESIST Project Team. (2024). The RESIST project report: Effects of, and resistances to 'anti-gender'. https://theresistproject.eu/sdc_download/711/?key=mo8z7dabowpcfgmse2v69o6x8zw1bf
- 10 Zerkalo.io. (2023, 18 июля). Глава провластного союза женщин рассказала, как жить белорускам: прикрывайте тылы, рожайте детей. <https://news.zerkalo.io/economics/44032.html?c>
- 11 БЕЛТА. (2018, 5 октября). Лукашенко жестко раскритиковал законопроект о противодействии домашнему насилию. <https://belta.by/president/view/lukashenko-zhestko-raskritikoval-zakonoprojekt-o-protivodejstvii-domashnemu-nasiliju-320484-2018/>
- 12 Настоящее Время. (2024, 18 апреля). «Подумаешь, муж бьет, а кого не бьет». Как в Беларуси помогают пережившим домашнее насилие после закрытия НКО и шелтеров. <https://www.currenttime.tv/a/kak-v-belarusi-pomogayut-perezhivshim-domashnee-nasilie/32909637.html>

в Украину и ролью Беларуси в нем¹³. Зависимость от России проявляется и в том, как белорусские политики воспроизводят российский нарративы. Так, председательница Совета Республики Наталья Кочанова прямо заявляла о том, что одним из ключевых направлений сотрудничества с Россией является защита «традиционных ценностей»¹⁴. В этом контексте заметную роль играет и Белорусская православная церковь, которая является экзархатом Русской православной церкви. БПЦ тесно связана с государственным аппаратом Беларуси и выступает в поддержку официальной риторики о «традиционных семейных ценностях»¹⁵.

Ситуация с правами ЛГБТ+ людей в Беларуси в 2024–2025 годах стремительно ухудшается, несмотря на отсутствие (на момент сентября 2025 года) формально принятого закона о запрете «пропаганды нетрадиционных отношений». В феврале 2024 года был разработан законопроект о внесении в Кодекс об административных правонарушениях новой статьи 19.16¹⁶, «Пропаганда гомосексуальных отношений, смены пола, бездетности, педофилии», который был принят в первом чтении 3 октября 2025 года¹⁷. Согласно тексту законопроекта, под «пропагандой» понимается создание привлекательного образа ЛГБТ+ людей, «смены пола» или «бездетности» – похожие формулировки использовались и в первом российском законе об «ЛГБТ-пропаганде»¹⁸. Формально это оставляет возможность для использования нейтрального языка и фактических высказываний, однако в условиях репрессивного режима и фактической безнаказанности государственных органов подобные нормы могут применяться произвольно, включая преследование за нейтральные или просветительские высказывания. Продвижение этого законопроекта свидетельствует об ужесточении государственной риторики в отношении ЛГБТ+ людей и их прав, а также репродуктивных свобод.

19 марта 2024 года Министерство культуры Беларуси приняло постановление № 24, которое расширило определение порнографии до «нетрадиционных половых отношений», включив туда «гомосексуализм», «лесбийскую любовь», «транссексуализм», а также бисексуальность и полиаморию¹⁹. Таким образом, любая визуальная

13 Human Rights Watch. (2023, 12 января). Беларусь: территория репрессий. <https://www.hrw.org/ru/news/2023/01/12/belarus-zone-repression>

14 TG House. (2025, 28 января). Мониторинг репрессий и дискриминации в отношении ЛГБТК+ сообщества Беларуси в 2024 году. <https://tbelarus.com/post/the-monitoring-of-repression-2024>

15 Свято-Елисаветинский монастырь. (n.d.). Открытое обращение против пропаганды ЛГБТ. <https://obitel-minsk.ru/banners/protiv-propagandy-lgbt-otkrytoe-obraschenie>

16 РБК. (2024, 19 февраля). В Белоруссии предложили наказывать за пропаганду отказа заводить детей. <https://www.rbc.ru/politics/19/02/2024/65d39c4d9a7947da1a92aca2>

17 Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. (2025, 3 октября). Проект Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов по вопросам административной ответственности». <https://pravo.by/document/?guid=3951&p0=2025035001>

18 Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. (n.d.). Об изменении кодексов по вопросам административной ответственности. <https://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2025035001>

19 Министерство культуры Республики Беларусь. (2024). Постановление от 19 марта 2024 г. № 24. <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22441365>

или текстовая репрезентация ЛГБТ+ людей может трактоваться как порнографическая и, как следствие, оказаться под запретом.

Летом и осенью 2024 года прошла волна задержаний ЛГБТ+ людей: более 15 человек, среди которых восемь – трансгендерные персоны, были задержаны, подвергались пыткам и физическому насилию²⁰. В ряде случаев основанием для задержания стала подписка на ресурсы, признанные «экстремистскими», некоторые из пострадавших были вынуждены экстренно эмигрировать.

Осенью 2024 года на сайте Министерства информации появился список запрещенных к распространению на территории Беларуси печатных изданий²¹, среди которых есть книги на феминистские, секспозитивные и ЛГБТ+ темы (как художественные, так и нон-фикшн)²².

Цензура в Беларуси существенно ограничивает распространение достоверной и научно обоснованной информации о сексуальном и репродуктивном здоровье, что представляет серьезную проблему в условиях отсутствия системного сексуального образования в школах и университетах – и особенно при попытках государства внедрить в школьную программу курсы, направленные на продвижение «традиционных семейных ценностей».

Кроме того, можно говорить и об антигендерной цензуре в академической сфере: гендерные исследования не интегрированы в систему высшего образования, нет площадок для проведения подобных исследований внутри страны²³.

7 февраля 2025 года был одобрен пакет поправок в закон «О правах ребенка»²⁴. Статью 37–1 дополнили положением о том, что «пропаганда гомосексуальных отношений, смены пола, педофилии и бездетности» является вредной для здоровья и развития детей. Эти поправки вступают в силу в январе 2026 года. Как и в случае с аналогичными антигендерными инициативами в России, официальная риторика по поводу этих законодательных изменений строится вокруг темы «защиты детей», которая используется для оправдания дискриминационных мер и ограничения свободы выражения.

20 TG House. (2024, 26 сентября). Заявление TG House о репрессиях против ЛГБТК+ сообщества Беларуси. <https://tbelarus.com/post/zajavlenie-tg-house-o-repressiach>

21 Zerkalo.io. (2024, 22 ноября). Маркиз де Сад, манга и «Сучки». Мининформ опубликовал список «вредных» книг, которые запрещено продавать в Беларуси. <https://news.zerkalo.io/life/84046.html>

22 Лобби. (2024, 22 ноября). Власти Беларуси тоже ведут бой с литературой, включая квинную. <https://t.me/lesbianlobby/3161>

23 Европейский гуманитарный университет. (2016, 17 октября). Елена Гапова: «Профессионально о гендере в Беларуси пишут выпускники магистратуры ЕГУ». <https://ru.ehuniversity.lt/novosti/elena-garova-professionalno-o-gendere-v-belarusi-pishut-vypuskniki-magistratury-egu/>

24 TG House. (2025, 27 февраля). Под маской «защиты детей»: новая атака на права ЛГБТК+ в Беларуси. <https://tbelarus.com/post/novaja-ataka-na-prava-lgbtk-v-belarusi>

В Беларуси по-прежнему есть список запрещенных профессий для женщин, хотя в 2022 году его сократили²⁵, а сейчас ведутся разговоры о его полной отмене²⁶.

Доступ к абортам в Беларуси фактически имеется: прерывание беременности по желанию женщины возможно до 12 недель, а при наличии медицинских и социальных показаний – до 28 недель. Однако законодательство также предусматривает необходимость консультации с врачом и, в случае несовершеннолетних, письменное согласие законного представителя, что, по сути, создает определенные ограничения. Кроме того, в последние годы в стране проводится акция «Неделя без аборт»: в течение недели в медицинских учреждениях, как правило, не производят аборт, за исключением случаев, когда они необходимы по медицинским показаниям или в случаях угрозы жизни матери²⁷. Подобные меры могут трактоваться как репродуктивное давление на белорусских женщин и ограничение их свобод. Уже в январе 2026 года появилась инициатива запретить аборт в частных медицинских центрах, поскольку, по словам министра здравоохранения Александра Ходжаева, в них якобы ниже «качество предабортного консультирования». Как утверждает, после консультации в частных клиниках решение сохраняют до 80% пациенток, тогда как в государственных учреждениях от 35–40% женщин меняют свое первоначальное намерение прервать беременность²⁸.

Таким образом, после 2020 года в Беларуси формируется консолидированный репрессивный режим: массовые репрессии, ликвидация независимых НКО и СМИ, вытеснение феминистских и ЛГБТ+ инициатив в изгнание или подполье. Антигендерная политика усиливается за счет закона об ЛГБТ-пропаганде, усиление анти-ЛГБТ+ цензуры и риторики «традиционных ценностей». Отсутствие защиты от домашнего насилия, ограничения репродуктивных прав, государственная цензура формируют системное давление, где ЛГБТ+ и феминистская повестка маркируется как угроза государству.

2. Грузия

В Грузии формально существует достаточно развитая законодательная база, направленная на защиту прав женщин и ЛГБТ+. Еще в 2014 году был принят закон «О ликвидации всех форм дискриминации», направленный на борьбу с дискриминацией,

25 Охрана труда. (2022). Изменен список профессий, запрещенных для женщин. <https://ohranatruda.of.by/izmenen-spisok-professij-zapreshchennykh-dlya-zhenshchin-2022.html>

26 Tochka.by. (2025, 24 октября). В Беларуси уходят от запрещенных для женщин работ – что можно. <https://tochka.by/articles/life/v-belarusi-ukhodyat-ot-zapreshchennykh-dlya-zhenshchin-rabot-chto-mozhno/>

27 Zerkalo.io. (2025, 18 октября). Власти убеждают белорусок рожать и не делать аборт, пугая на сайтах больниц. Но не все написанное там адекватно – объясняем. <https://news.zerkalo.io/life/111146.html>

28 Deutsche Welle. (2026, 30 января). Частным клиникам в Беларуси запретят проводить аборт? <https://www.dw.com/ru/castnym-klinikam-v-belarusi-zapretat-provodit-aborty/a-75726574>

в том числе – на основании сексуальной ориентации, гендерной идентичности и гендерного самовыражения²⁹. В 2017 году вступил в силу закон «О пресечении насилия в отношении женщин и (или) насилия в семье, защите и оказании помощи жертвам насилия»³⁰, а также была ратифицирована Стамбульская конвенция. Однако на практике механизмы реализации данных норм остаются слабыми: система поддержки женщин, переживших насилие, функционирует неэффективно³¹, а антидискриминационный закон критикуется правозащитницами за отсутствие действенных механизмов защиты³². С момента его принятия не было зафиксировано ни одного судебного дела, связанного с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности, а статистика по преступлениям на почве ненависти официально не ведется. Исследователи и правозащитницы говорят о том, что принятие в Грузии законодательства было продиктовано не внутренним убеждением в необходимости реформ, а давлением со стороны институтов ЕС и стремлением к политическим и финансовым выгодам (Shevtsova 2023).

После 2022 года политический и социальный контекст в Грузии характеризуется ростом антигендерных, консервативных и националистических настроений, усилившихся на фоне глобальных кризисов, российского вторжения в Украину и внутренней политической поляризации. Правящая партия «Грузинская мечта» активно использует риторику защиты «традиционных ценностей» и «национального суверенитета»³³, консервативные движения противопоставляют «западные ценности» грузинской идентичности и культуре³⁴.

В октябре 2023 года в Грузии ввели новые ограничения на доступ к услугам по прерыванию беременности: с 1 января 2024 года женщины обязаны пройти консультацию с психологом или социальным работником перед процедурой³⁵. Кроме того, допустимый срок медикаментозного аборта сокращается с 10 до 7 недель. Правозащитницы и специалистки в области здравоохранения критикуют эти меры, поскольку они могут усложнить доступ к безопасным абортам и способствовать увеличению числа нелегальных

29 Парламент Грузии. (n.d.). Закон Грузии. Об устранении всех форм дискриминации. <https://matsne.gov.ge/en/document/download/2339687/0/ru/pdf>

30 Парламент Грузии. (n.d.). Закон Грузии. О пресечении насилия в отношении женщин и (и) насилия в семье, защите и оказании помощи жертвам насилия. <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/26422/10/ru/pdf>

31 Yana With You. (n.d.). Georgia. <https://yanawithyou.org/georgia>

32 Fišerová, Z. (2023). LGBTIQ activism in Georgia (Master's thesis). <https://theses.cz/id/ndx1yh/DP-fiserova-final.pdf>

33 Heinrich Böll Foundation. (2025, 16 апреля). Protecting “the people”: How anti-LGBTQ+ ideas help Georgian Dream consolidate power. <https://ge.boell.org/en/2025/04/16/protecting-people-how-anti-lgbtq-ideas-help-georgian-dream-consolidate-power>

34 CEEOL. (2021) The LGBTQ issue as a supplementary tool for polarization in post-Soviet countries – the case of Georgia. <https://www.ceeol.com/search/chapter-detail?id=1119589>

35 DOXA. (2023, 9 ноября). С 2024 года беременные в Грузии перед абортom будут обязаны проконсультироваться с психологом и соцработницей. <https://doxa.team/news/2023-11-09-abortion>

и опасных для здоровья аборт, а также противоречат международным стандартам в области здоровья и прав человека³⁶.

В Грузии был отменен список запрещенных для женщин профессий, но по-прежнему существуют ограничения для беременных³⁷. При этом правозащитницы отмечают, что отсутствие прозрачных механизмов регулирования перевода беременных женщин с опасных работ на безопасные создает дополнительные препятствия для женщин из-за опасений работодателей.

Закон «О прозрачности иностранного влияния» также известный как закон об иноагентах, похожий на аналогичный российский закон, был принят, несмотря на многочисленные протесты, и вступил в силу 1 августа 2024 года³⁸. Согласно закону, все СМИ и неправительственные организации, получающие более 20% финансирования из иностранных источников, обязаны зарегистрироваться в специальном «реестре прозрачности иностранного влияния» как «организации, осуществляющие интересы иностранной державы». В мае 2025 года приняли новый закон, «О регистрации иностранных агентов», согласно которому аналогичные требования распространяются и на физических лиц, если они действуют по поручению или под контролем иностранного принципала и участвуют в политической или иной общественной деятельности от его имени³⁹. Такие субъекты должны регулярно предоставлять подробные отчеты о своей деятельности и финансах, а все их публикации и материалы должны маркироваться как подготовленные «иностранным агентом». За несоблюдение этих требований предусмотрено уголовное наказание, включая тюремный срок. Летом 2025 года последствия действия закона стали очевидны: в августе были арестованы банковские счета семи грузинских НКО в рамках дела «о содействии саботажу и враждебной деятельности»: среди них не было феминистских и квир-инициатив, однако эта мера может иметь серьезные последствия для всего правозащитного сектора Грузии⁴⁰.

В сентябре 2024 года парламент Грузии принял закон «О семейных ценностях и защите несовершеннолетних» и пакет из 18 сопутствующих поправок, который вступил в силу 3 октября

36 Обучающий Центр по Репродуктивному Здоровью (CIDSR). (2024, 27 марта). Грузия ввела новые опасные ограничения на доступ к аборт. <https://cidsr.md/ru/news/gruzija-vvela-novye-opasnye-ogranichenija-na-dostup-k-abortam/>

37 ADC Memorial. (2020, 6 марта). Результаты борьбы со списками запрещенных для женщин профессий: три года кампании #AllJobs4AllWomen. <https://adcmemorial.org/novosti/3-years-alljobs4allwomen/>

38 Кавказский узел. (2024, 23 мая). Закон Грузии «О прозрачности иностранного влияния». <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/399856>

39 Бумага. (2025, 30 мая). Кого могут объявить «иноагентом» в Грузии? Разбор нового закона от Paper Kartuli. <https://paperpaper.io/kogo-mogut-obyavit-inoagentom-v-gr/>

40 Эхо Кавказа. (2025, 27 августа). В Грузии заморожены банковские счета семи НКО. <https://www.ekhokavkaza.com/a/zamorozheny-bankovskie-scheta-semi-nko>

2024 года⁴¹. Закон вводит широкие ограничения, направленные против ЛГБТ+ сообщества: он запрещает однополые браки и усыновление детей ЛГБТ+ людьми, а также любые медицинские вмешательства с целью «смены пола». В государственных документах разрешается указывать только биологический пол человека, приписанный ему при рождении. Особое внимание уделено «ЛГБТ-пропаганде»: под запрет попадает распространение информации, которая «направлена на популяризацию принадлежности человека к определенному гендеру, однополых отношений или инцеста» в образовательных учреждениях, а также показ сцен с однополыми отношениями в СМИ, рекламе и кино. Закон также запрещает публичные мероприятия и собрания, которые могут быть расценены как «пропаганда однополых отношений».

Непрозрачность и неопределенность законодательных формулировок порождают риск их расширительного толкования, в результате чего ограничения могут распространяться на любую информацию, касающуюся ЛГБТ+, независимо от ее характера и контекста. Кроме того, акцент на запрете «ЛГБТ-пропаганды» в сфере образования препятствует развитию качественного сексуального образования, которого и так нет в Грузии в систематическом виде⁴². Как и в России и Беларуси, грузинские власти продвигают подобные законодательные инициативы под видом «защиты детей» и «традиционных» или «семейных ценностей».

Несмотря на отсутствие зарегистрированных дел по обвинению в «пропаганде» и заметных случаев блокировок и цензуры, правозащитные организации фиксируют рост насилия против ЛГБТ+ людей: уже на следующий день после принятия закона была убита трансгендерная женщина Кесария Абрамидзе, а известная активистка Ната Таликишвили подверглась нападению⁴³. В 2025 году парламент Грузии принял поправки, полностью исключившие из грузинского законодательства термин «гендер»⁴⁴.

Таким образом, в последние три года, грузинские власти усилили контроль над гражданским обществом, ограничили репродуктивные права и права ЛГБТ+ людей, а также легализовали дискриминационные практики под предлогом защиты «традиционных ценностей» и национального суверенитета. Существенную роль в формировании и продвижении подобных инициатив играет Грузинская православная церковь, которая оказывает значительное влияние на политические решения и активно участвует в публичных кампаниях против гендерного равенства и прав ЛГБТ+ людей.

41 Deutsche Welle. (2024, 17 сентября). Парламент Грузии принял закон о запрете «пропаганды ЛГБТ». <https://www.dw.com/ru/parlament-gruzii-prinal-zakon-o-zaprete-propagandy-lgbt/a-70239532>

42 Federal Centre for Health Education (BZgA). (2018). Sexuality education in the WHO European Region: Georgia. <https://europe.ippf.org/sites/europe/files/2018-05/Factsheet%20Georgia.pdf>

43 ILGA-Europe. (2025). Annual review of the human rights situation of lesbian, gay, bisexual, trans, and intersex people covering the period of January to December 2024: Georgia. <https://www.ilga-europe.org/files/uploads/2025/02/Annual-Review-2025-Georgia.pdf>

44 Вести Кавказа. (2025, 2 апреля). Грузия исключила слово «гендер» из своего законодательства. <https://vestikavkaza.ru/news/gruzia-isklucila-slovo-gender-iz-svoego-zakonodatelstva.html>

3. Казахстан

После январских протестов 2022 года, вызванных резким ростом цен на сжиженный газ, в Казахстане произошел политический и социальный сдвиг, в стране усилились консервативные настроения и авторитарный контроль со стороны государства⁴⁵. Внешний фактор вторжения России в Украину также оказал значительное влияние: с одной стороны, Казахстан пытается сохранять баланс между РФ и странами Европы и Северной Америки, не выражая однозначной поддержки действиям России, с другой – российское влияние усиливается через экономические механизмы⁴⁶.

В последние годы в Казахстане усилились анти-ЛГБТ+ настроения, что проявляется как в публичных дискуссиях, так и в законодательных инициативах. В феврале 2024 года в Казахстане был принят закон о запрете для ЛГБТ-людей быть наставниками для детей-сирот⁴⁷. В апреле 2024 года правящая партия Amanat предложила внести в разрабатываемый законопроект «О медиа» поправки, запрещающие «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений»⁴⁸. В том же году в мае «Казахстанский союз родителей» создал петицию о «запрете пропаганды ЛГБТ», частично удовлетворенная властями: власти пообещали «оградить подростков и детей от пропаганды и культивирования сексуальных отношений»⁴⁹. Представители духовенства Казахстана также продвигают антигендерную риторику, поддерживая анти-ЛГБТ+ инициативы. Главный имам и представители Духовного управления мусульман Казахстана регулярно выступают с публичными заявлениями против «ЛГБТ-пропаганды», феминизма и сексуального просвещения, апеллируя к «традиционным ценностям» и необходимости следования нормам ислама⁵⁰. Представители христианских религий также периодически высказываются против ЛГБТ+ людей⁵¹.

Уже 18 декабря 2025 года во время проведения этого исследования Мажилис, нижняя палата Парламента Казахстана, одобрил поправки, запрещающие так называемую «пропаганду педофилии и нетрадиционной сексуальной ориентации», а затем, когда сбор данных для исследования уже

45 Centre for Eastern Studies (OSW). (2023, 14 августа). Kazakhstan: Heading towards uncertainty. <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2023-08-14/kazakhstan-heading-towards-uncertainty>

46 Chatham House. (2024, 29 февраля). Russia's influence in Kazakhstan is increasing despite the war in Ukraine. <https://www.chathamhouse.org/2024/02/russias-influence-kazakhstan-increasing-despite-war-ukraine>

47 Азаттық Азия. (2024, 23 февраля). Токаев подписал закон, запрещающий усыновление и наставничество над детьми-сиротами для ЛГБТ+. <https://www.azattyqasia.org/a/32832434.html>

48 Власть. (2024, 5 апреля). Запретить СМИ писать о представителях ЛГБТ предлагают депутаты. <https://vlast.kz/novosti/59600-zapretit-smi-pisat-o-predstavitelah-lgbt-predlagaut-deputaty.html>

49 Правительство Республики Казахстан. (2024, 6 августа). Решение по результатам рассмотрения петиции. <https://www.gov.kz/memleket/entities/mam/documents/details/702227?lang=ru>

50 Exclusive.kz. (2025, 20 марта). Главный имам Казахстана выступил против ЛГБТ и обвинил Запад. <https://exclusive.kz/glavnyj-imam-kazahstana-vystupil-protiv-lgbt-i-obvinil-zapad/>

51 ТАСС. (2023, 20 декабря). Иерархи католической церкви в Казахстане запретили благословлять гомосексуальные пары. <https://tass.ru/obschestvo/19593445>

был закончен, президент Касым-Жомарт Токаев подписал этот закон⁵². Новый закон предусматривает ответственность за размещение и распространение противоправного контента с признаками «пропаганды ЛГБТ» в СМИ и соцсетях.

Усиление анти-ЛГБТ+ риторики сопровождается и ростом цензуры. В июле 2022 года в Казахстане был заблокирован мультфильм «Lightyear» из-за сцены с однополым поцелуем⁵³. В феврале 2024 года под предлогом «защиты детей от вредной информации» власти заблокировали сайт для ЛГБТ+ подростков SelfTanu.kz, содержащий информацию о сексуальном здоровье и разнообразии сексуальных ориентаций и гендерных идентичностей⁵⁴. Учитывая, что в Казахстане отсутствует системное сексуальное просвещение в школах, блокировка подобных ресурсов значительно ухудшает доступ подростков к качественной информации о сексуальном здоровье. Таким образом, даже в отсутствие законодательства, аналогичного российскому и прямо запрещающего «ЛГБТ-пропаганду» или ЛГБТ+ движение, в Казахстане есть механизмы для осуществления анти-ЛГБТ+ цензуры и соответствующая практика правоприменения.

В Казахстане с сентября 2023 года существует публичный «Реестр лиц, получающих деньги или иное имущество от иностранных государств, международных и иностранных организаций», который ведет Министерство финансов⁵⁵. Последнее обновление реестра было в марте 2025 года, на этот момент в списке было 200 физических и юридических лиц: правозащитные организации и фонды, профсоюзы, журналист_ки, активист_ки⁵⁶. Среди них есть и женские феминистские инициативы (например, «Общество женщин-малых предпринимателей»). При этом по состоянию на сентябрь 2025 года в Казахстане нет законодательства, предполагающего какое-либо бремя для вошедших в этот реестр, хотя обсуждения такого законодательства периодически активизируются. Так, в феврале 2025 года депутат Мажилиса Ирина Смирнова (Народная партия Казахстана) предложила правительству разработать закон об иноагентах, ограничивающий деятельность «нежелательных» НКО ради «защиты национальных интересов»⁵⁷. Однако Министерство юстиции публично заявило, что в планах правительства на данный момент нет разработки такого закона⁵⁸.

52 Deutsche Welle. (2025, 30 декабря). В Казахстане одобрили закон о запрете «пропаганды ЛГБТ». <https://www.dw.com/ru/v-kazahstane-odobrili-zakon-o-zaprete-propagandy-lgbt/a-75343438>

53 Equaldex. (n.d.). LGBT rights in Kazakhstan. <https://www.equaldex.com/region/kazakhstan>

54 Eurasian Coalition on Health, Rights, Gender and Sexual Diversity (ECOM). (2024, 22 февраля). A website for LGBT teenagers was blocked in Kazakhstan. <https://ecom.ngo/en/news/website-lgbt-teenagers-was-blocked-kazakhstan/>

55 Deutsche Welle. (2023, 22 сентября). Казахстан опубликовал свой «список иноагентов». Зачем? <https://www.dw.com/ru/kazahstan-opublikoval-svoj-spisok-inoagentov-zacem/a-66898509>

56 Orda.kz. (2025, 18 марта). Казахстанский «список иноагентов» пополнился новыми компаниями: кого финансируют из-за рубежа. <https://orda.kz/kazahstanskij-spisok-inoagentov-popolnitsja-novymi-kompanijami-kogo-finansirujut-iz-za-rubezha-399364/>

57 Власть. (2025, 12 февраля). Депутат от Народной партии Казахстана просит разработать закон «об иноагентах». <https://vlast.kz/novosti/63813-deputat-ot-narodnoj-partii-kazahstana-prosit-razrabotat-zakon-ob-inoagentah.html>

58 Власть. (2025, 5 марта). Идея закона об иноагентах не вызвала энтузиазма в парламенте. <https://vlast.kz/politika/64138-idea-zakona-ob-inoagentah-ne-vyzvala-entuziazma-v-parlamente.html>

Казахстанские правозащитные организации, работающие с темой прав женщин и ЛГБТ+ людей, сталкиваются с давлением. Так, феминисткой и ЛГБТ+ организации Feminita несколько раз отказывали в регистрации⁵⁹, основательниц задерживали⁶⁰, а также штрафовали за руководство незарегистрированной организацией⁶¹. Кроме того, в октябре 2024 года один из депутатов предложил признать эту организацию экстремистской⁶². В то же время существуют провластные женские организации, поддерживаемые государством (например, Rahym, которым руководит сторонница президента Казахстана, Бибинур Шералиева⁶³).

В апреле 2024 года в Казахстане был принят закон о семейно-бытовом насилии, ставший одним из самых обсуждаемых за последнее время⁶⁴. Его принятие последовало за резонансным судебным процессом над бывшим министром национальной экономики Куандыком Бишимбаевым, осужденным за убийство своей супруги Салтанат Нукеновой с особой жестокостью. Это событие вызвало волну общественного возмущения и протестов против бездействия государства в сфере защиты прав женщин. Новый закон внес ряд ключевых изменений: побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью переносятся из Кодекса об административных правонарушениях в Уголовный кодекс, что делает их уголовно наказуемыми деяниями. Исключена возможность примирения сторон по делам, связанным с физическим насилием и жестоким обращением с несовершеннолетними. Закон усилил ответственность за тяжкие преступления против детей: за убийство, изнасилование или насильственные действия сексуального характера в отношении малолетних теперь предусмотрено пожизненное лишение свободы без альтернативных мер наказания. Кроме того, введена новая статья 121-1 УК, криминализирующая домогательства сексуального характера к лицам младше 16 лет.

Несмотря на эти важные изменения, правозащитницы отмечают, что закон по-прежнему не определяет «домашнее насилие» как отдельное правонарушение, что оставляет пространство для разночтений и ослабляет защиту жертв⁶⁵. Также Казахстан

59 Human Rights Watch. (2019, 13 сентября). Kazakhstan: Feminist group denied registration. <https://www.hrw.org/news/2019/09/13/kazakhstan-feminist-group-denied-registration>

60 Eurasian Coalition on Health, Rights, Gender and Sexual Diversity (ECOM).

(2024). Страны Центральной Азии – стремительное сужение демократии. https://ecom.ngo/wp-content/uploads/2025/05/ECOM_Asia_democratia_2024_rus.pdf

61 Tіrek. (2025, 14 июля). Renewed attacks on foreign-funded NGOs protest restrictions despite protective court ruling. <https://tirik.info/renewed-attacks-on-foreign-funded-ngos-protest-restrictions-despite-protective-court-ruling/>

62 Tengrinews. (2024, 9 октября). Kazakh deputy proposes declaring feminist group extremist in Kazakhstan. https://en.tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazakh-deputy-proposes-declaring-feminist-group-extremist-in-264444/

63 Respublika. (2024, 6 марта). Акимат Алматы не разрешил провести женский марш феминисткам, но одобрил митинг стороннице Токаева. <https://respublika.kz.media/archives/118421>

64 Kosa.media. (2024, 8 июля). Как появился «закон Салтанат». <https://kosa.media/2024/07/kak-poyavilsya-zakon-saltanat/>

65 Human Rights Watch. (2024, 30 апреля). Казахстан: новый закон об усилении защиты женщин улучшен, но не доработан. <https://www.hrw.org/ru/>

не ратифицировал Стамбульскую конвенцию и не принял отдельного антидискриминационного законодательства, хотя в настоящее время ведется работа над его разработкой⁶⁶.

В Казахстане в 2021 году отменили список запрещенных для женщин профессий⁶⁷, однако, как отмечают журналистки и правозащитницы, фактически ограничения для женщин в сфере труда по-прежнему существуют⁶⁸.

В соответствии с действующим законодательством в Казахстане женщина имеет право на искусственное прерывание беременности по собственному желанию до 12 недель. С 12 до 22 недель аборт возможен только при наличии медицинских или социальных показаний и заключения врачебной комиссии⁶⁹. Закон не предусматривает обязательного «дня тишины» перед процедурой, а публичных инициатив по запрету аборт в стране нет.

Таким образом, казахстанский контекст последних лет характеризуется противоречивым сочетанием ограниченных сдвигов в сфере защиты прав женщин и одновременного усиления репрессий в отношении ЛГБТ+ людей и независимого гражданского общества. Анти-ЛГБТ+ риторика, законодательные инициативы о «пропаганде», блокировка информационных ресурсов и давление на феминистские и квир-организации формируют устойчивую практику дискриминации и сужения публичного пространства. При этом позитивные изменения остаются частичными и не подкреплены системными антидискриминационными гарантиями. В результате гендерная политика Казахстана выстраивается как селективная и иерархическая: государство демонстрирует готовность реагировать на резонансные случаи насилия, но одновременно использует антигендерную повестку как инструмент политического контроля и символической мобилизации.

66 [news/2024/04/30/kazakhstan-new-law-protect-women-improved-incomplete](https://inbusiness.kz/ru/last/antidiskriminacionnoe-zakonodatelstvo-prodolzhayut-razrabatyvat-v-rk) Inbusiness.kz. (2024, 30 июня). Антидискриминационное законодательство продолжают разрабатывать в РК. <https://inbusiness.kz/ru/last/antidiskriminacionnoe-zakonodatelstvo-prodolzhayut-razrabatyvat-v-rk>

67 Правительство Республики Казахстан. (2021, 25 сентября). В Казахстане отменён список работ, ограниченных для женщин. <https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/press/news/details/262368?lang=ru>

68 Orda.kz. (2024, 17 июня). «Там надо тяжести таскать». Куда женщин в Казахстане до сих пор не берут на работу. <https://orda.kz/tam-nado-tjazhesti-taskat-kuda-zhenshin-v-kazahstane-do-sih-por-ne-berut-na-rabotu-387807/>

69 Zakon.kz. (2020, 19 октября). По каким правилам в Казахстане прерывают беременность <https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/5044427-po-kakim-pravilam-v-kazahstane.html>

Состояние правозащитного сектора в Беларуси, Грузии и Казахстане

В последние годы правозащитный сектор в Беларуси, Грузии и Казахстане сталкивается с систематическим сужением пространства для деятельности. Это вызвано комбинацией репрессивного законодательства, административного давления и политически мотивированных атак на гражданское общество. Анализ свидетельств правозащитниц из трех стран показывает: несмотря на различия в политических режимах и институциональных контекстах, механизмы давления схожи, что создает похожие риски для устойчивости сектора.

Беларусские правозащитницы подтверждают, что правозащитный сектор после 2020 года оказался фактически уничтожен как легальное и публичное поле деятельности. Как говорит Алиса Сармант, директорка белорусской транс-организации TG House:

«После 2020 года ситуация значительно ухудшилась: из-за репрессий многие активисты были вынуждены бежать из Беларуси. Часть квир-организаций и инициатив была ликвидирована, другие – фактически выдавлены из страны. К сожалению, большинство так и не смогли полноценно возобновить работу в эмиграции, а возможности тех, кто продолжает деятельность дистанционно, сильно ограничены, потому что легально и без риска работать внутри Беларуси сегодня невозможно».

Другая правозащитница из Беларуси, предпочитающая остаться анонимной, отмечает:

«Конечно же, феминистские ЛГБТ-организации тоже попали под эти репрессии, потому что ни один сектор не был обойден. То есть у нас закрывались и исторические, и культурные организации. В общем все. Каток репрессивный прошелся по всем».

В то же время правозащитница подчеркивает особую уязвимость ЛГБТ+ и феминистских организаций и инициатив:

«Еще до 2020 года мы могли говорить, что мы женская феминистская организация, и это было относительно безопасно. Теперь бездетность, феминизм, чайлдфри, как они это называют, это вот такая угроза белорусской государственности. За что, конечно, организации подвергаются преследованиям».

Анонимная правозащитница, Беларусь

В результате белорусские правозащитные организации вынужденно стали работать либо удаленно, в изгнании, либо подпольно. Оба формата имеют свои ограничения и не решают всех проблем с безопасностью. Так, Алиса Сармант отмечает:

«Работать удаленно намного сложнее. И это не всегда безопасно даже для тех, кто уже уехал, потому что в Беларуси у многих остаются родственники. Силовые структуры оказывают давление на родителей и близких активистов, которые находятся в эмиграции. Из-за этого часть людей была вынуждена полностью отказаться от деятельности — просто из страха за своих родных. Подпольный формат работы также лишает правозащитников возможности выходить на новую аудиторию и заниматься широким информированием. Помощь приходится оказывать в закрытом режиме — в основном для тех сообществ, которые были сформированы раньше».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

В таких обстоятельствах правозащитные организации вынуждены много внимания и времени уделять вопросам безопасности:

«Конечно, сейчас приходится уделять очень много времени вопросам безопасности — особенно после присвоения экстремистского статуса. Мы регулярно проводим тренинги, консультируем людей и постоянно напоминаем о мерах цифровой и личной безопасности. Это стало отдельным и постоянным направлением работы».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

Так, правозащитни_цы отмечали, что теперь тщательно контролируют безопасность переписок в мессенджерах, вынужденно отказались от использования чат-ботов, чтобы иметь возможность безвозвратно удалять данные. Таким образом, обеспечение безопасности требует дополнительных ресурсов и вынуждает отказаться от автоматизации некоторых процессов.

Беларусские правозащитни_цы отмечают высокий риск выгорания, правозащитная работа в таких условиях часто ведется на волонтерских началах и на износ:

«Я уверяю, что, если спросить сейчас рандомно 30 человек из белорусского НГО сектора “сколько ты бесплатно работаешь?”, то никто не знает, никто не ведет никакой timesheet».

Наста Базар, правозащитница, Беларусь

Однако, несмотря на многочисленные риски и ограничения, правозащитни_цы отмечают жизнестойкость белорусского правозащитного сектора и общее стремление людей к сопротивлению (*“resilience”*, как отметила анонимная участница исследования из Беларуси).

В Грузии ситуация характеризуется не одномоментным сломом, а постепенным авторитарным дрейфом и институционализированным давлением на гражданское общество. Информанты подчеркивают, что откат начался еще до 2022 года:

«Я всегда была против того, чтобы начинать отсчет с 2022 года, потому что, на мой взгляд, обратная реакция началась в 2018 году, когда была принята поправка к конституции, провозглашающая, что семьей может быть только союз мужчины и женщины. После полномасштабного вторжения России в Украину ситуация определенно очень быстро обострилась».

Эка Церетели, Women’s Initiatives Supporting Group, Грузия

После 2022 года давление на гражданское общество резко усилилось с принятием ряда репрессивных законов, усиливающих административный контроль над правозащитной деятельностью и препятствующих получению финансовой поддержки из-за рубежа.

«Было несколько волн репрессий. Это привело к закрытию или прекращению деятельности многих организаций. В основном, из-за усиления репрессий свою деятельность решили прекратить региональные, небольшие низовые организации. А те из нас, кто остался, мы как-то признаем, что не можем больше».

получить никаких новых грантов и в какой-то момент столкнемся с финансовыми трудностями. Так что это очень хорошо продуманный план по прекращению деятельности гражданского общества в Грузии».

Эка Церетели, Women's Initiatives Supporting Group, Грузия

В ситуации сильного давления со стороны государства и невозможности легально получать иностранное финансирование многие правозащитные инициативы и независимые медиа работают на волонтерских началах:

«Но каким-то образом большинство этих онлайн-медиа или, например, оппозиционные телеканалы, которые критически относятся к ситуации и пытаются освещать все насущные проблемы, с которыми мы сейчас сталкиваемся, все еще работают. Я не знаю, как, но они все еще умудряются выживать. Но на самом деле я знаю, что большинство сотрудников работают добровольно. Есть некоторые организации, которые все еще работают, но их сотрудники не получают зарплату уже несколько месяцев. И большинство правозащитников продолжают работать с жертвами различных нарушений прав человека по собственной воле. Так что... Ситуация довольно напряженная».

Анонимная правозащитница, Грузия

Грузинские правозащитни_цы, особенно из ЛГБТ+ организаций, работают в условиях высокой неопределенности и риска. Они вынуждены балансировать между задачами информирования и оказания сервисных услуг сообществу и стремлением обезопасить себя от нежелательного внимания со стороны государства и праворадикальных групп:

«Мы стараемся делать акцент на позитивной видимости, но при этом не подвергать наши услуги нападкам со стороны крайне правых групп. Таким образом, мы продолжаем свою деятельность, очень внимательно следя за нашей публичной коммуникацией».

Анонимная правозащитница, Грузия

Личная безопасность правозащитни_ц и ЛГБТ+ активист_ок также постоянно находится под угрозой: участни_цы исследования упоминали нападения на транс-людей, анонимные угрозы с оскорблениями по телефону, провокации «титушек» (нанятые властями провокаторы, агрессивно нападающие на активист_ок; грузинские правозащитни_цы использовали именно это слово из русского языка, подчеркивая, что и сама практика уходит корнями в Россию), плакаты с фотографиями активист_ок с подписью «враги нации».

Решение продолжать работу несмотря на давление со стороны государства — это политический выбор и способ сопротивления для грузинских правозащитниц. Таким образом, в Грузии формально сохраняется часть гражданского общества и критически настроенных медиа, однако они функционируют в условиях постоянной угрозы, финансовой нестабильности и правовой неопределенности.

В Казахстане правозащитный сектор действует в более гибридном, но также репрессивном контексте, сочетающем формальную доступность некоторых форм правозащитной деятельности с системной дискриминацией. Так, Гульзада Сержан, соосновательница квир-феминистской инициативы «Феминита», отмечает, что ЛГБТ+ и феминистское движение в Казахстане успешно развивалось в последние годы:

«Что касается защиты прав ЛГБТ+, мы добились большого прогресса. На мой взгляд, движение было очень мощным. Было создано много инициатив».

В то же время правозащитница сообщила о трудностях с регистрацией правозащитных некоммерческих организаций:

«Некоммерческим организациям сложно получить регистрацию, потому что все они находятся в центре внимания правительства. Министерство юстиции никогда не дает легко получить регистрацию и работать из-за этой старой риторики против “иностранных агентов”».

Гульзада Сержан, Феминита, Казахстан

Иначе говоря, власти Казахстана систематически не соблюдают право на свободу ассоциаций.

С 2020 года правозащитный сектор и особенно квир-инициативы живут в режиме постоянного кризисного реагирования в силу множества обстоятельств:

«В Казахстане и, как мне кажется, во многих других странах нашего региона мы как будто бы начали выживать с 2020 года, когда началась пандемия COVID-19. Мы сталкиваемся с постоянными форс-мажорами, которые не включали в наши кризисные планы, и постоянно вынуждены менять стратегии и реагировать на то, что происходит. Проблемы с доступом к гендерно-аффирмативной помощи, постоянная смена лиц, принимающих решения, развитие антигендерного движения, войны, влияющие на наши страны и проблемы миграции. Если говорить про антигендерное движение, то можно говорить о его

появлении и усилении во время пандемии ковида. Активисты и активистки, которые являются сейчас лидерами и лидерками антигендерного движения, солидаризировались друг с другом во время принятия нового Кодекса о здоровье в 2020 году, противодействуя новым нормам об обязательной детской вакцинации».

Анонимный правозащитник, Казахстан

Существующий в Казахстане реестр иностранных агентов пока не оказывает существенного влияния на правозащитни_ц, хотя в целом все наблюдают кризисный момент для НКО-сектора:

«Но уже на самом деле чувствуется, что государство менее взаимодействует с правозащитным сообществом».

Анонимный правозащитник, Казахстан

Как отмечает Жанар Секербаева, соосновательница квир-феминистской инициативы «Феминита»:

«Текущая ситуация очень сложная. Я считаю, что она самая сложная».

Важно отметить, что разговоры с правозащитни_цами велись до вступления в силу закона об ЛГБТ-пропаганде, так что негативные оценки и прогнозы участни_ц исследования подтверждались в процессе анализа данных.

Казахстанские квир- и фем- правозащитни_цы и сталкиваются с разнородными репрессиями и преследованиями: полицейские рейды на квир-пространства, закрытие безопасных квир-пространств под давлением, провокации и нападения «титушек» (как и в Грузии, казахстанские правозащитни_цы использовали слово из русского языка, так же отсылая к российским практикам), слежка за активист_ками со стороны силовиков, ложные доносы (например, вызов полиции якобы из-за «оргии»), аресты по надуманным поводам и на основании неарестных статей (например, за мат в общественном месте). Как отмечают участни_цы исследования, чем публичнее деятельность правозащитни_ц, тем больше у них рисков.

В существующих условиях правозащитные организации вынуждены пересматривать собственные протоколы безопасности. Например, перестают публиковать в открытом доступе информацию о месте и времени проведения мероприятий, вырабатывают тактики избегания конфликтов с провокаторами:

«Сейчас мы не указываем дату и адрес, но поверьте мне, Комитет национальной безопасности всегда знает, где мы сидим. Даже если мы даем этот адрес в секретном чате, они каждый раз появляются в этом секретном месте. Поэтому мы решили: ладно, мы знаем, что они придут. Просто мы пытаемся избежать этого скандального... появления женщин, которые являются "титушками", которые, как вы знаете, являются активистками этого более крупного антигендерного движения, поэтому мы пытаемся, если эти титушки придут, избежать с ними любого контакта, мы просто пытаемся покинуть это место».

Жанар Секербаетова, «Феминита», Казахстан

Вырабатывая новые подходы к безопасности, ЛГБТ+ организации в Казахстане также обращаются к опыту других стран, где закон об «ЛГБТ-пропаганде» и подобные ему уже приняты:

«Мы видим опыт других людей, организаций из других стран, которые столкнулись с принятием подобных законов и учимся на этом опыте».

Анонимный правозащитник, Казахстан

В целом для всех трех стран характерны сужение пространства гражданского общества, использование государством антигендерной повестки как инструмента политической мобилизации и давления, а также финансовое и правовое удушение правозащитных организаций. Общими являются вынужденная неоплачиваемая работа активистов, рост рисков и уязвимости, необходимость прибегать к стратегии выживания. Однако различия носят принципиальный характер. В Беларуси правозащитный сектор практически полностью вытеснен в эмиграцию и подполье, а репрессии носят тотальный и карательный характер. В Грузии сохраняется формальная возможность деятельности, но она подтачивается репрессивными законами, жестким государственным контролем и потерей финансирования. В Казахстане же репрессии менее прямые, но системные: они реализуются через отказ в регистрации НКО, дискриминацию, преследование активистов и правозащитников, заимствование российских репрессивных моделей.

Сравнительная характеристика состояния квир- и феминистских инициатив

Параметр	Беларусь	Грузия	Казахстан
Общее состояние правозащитного сектора	Практически уничтожен как легальное поле; большинство организаций в эмиграции или в подполье.	Гибридная модель: формально сохраняется, но функционирует под сильным давлением со стороны государства и праворадикальных активистов.	Гибридная модель: формально возможна деятельность, но в условиях системной дискриминации и давления правых активистов.
Правовой контекст	Репрессивная практика (при отсутствии закона о запрете «ЛГБТ-пропаганды» или признании ЛГБТ+ движения экстремистским), экстремистские статусы, фактический запрет публичной деятельности.	Репрессивные законы (о запрете «ЛГБТ-пропаганды», об иностранных агентах), ограничение доступа к иностранному финансированию.	Реестр «иностранных агентов» (без соответствующего законодательства), принят закон о запрете «ЛГБТ-пропаганды».
Формат работы	Эмиграция, дистанционная работа, подпольные инициативы.	Публичная деятельность с осторожной коммуникацией (чтобы не попасть под расплывчатые формулировки репрессивных законов).	Открытая деятельность с усиленными мерами безопасности (например, закрытые мероприятия).
Финансирование	Ограничено, деятельность часто волонтерская или малооплачиваемая.	Иностранное финансирование фактически заблокировано; некоторые сотрудники НКО остаются без зарплат.	Реестр «иностранных агентов» существует; пока прямых финансовых санкций немного, но назревает общий кризис сектора.

Параметр	Беларусь	Грузия	Казахстан
Репрессивные практики	Массовые ликвидации НКО, экстремистские статусы, уголовное и административное преследование, давление на родственников уехавших активистов_к.	Блокировка счетов крупных НКО (но пока не квир-и не фем-), административные проверки, давление праворадикалов.	Полицейские рейды, задержания, провокации «титушек», слежка.
Риски для активистов_к	Высокий риск преследования, эмиграция как вынужденная стратегия.	Физические нападения, угрозы, публичная травля.	Давление со стороны силовиков и правых активистов_к, публичность увеличивает риски.
Публичная видимость	Резко снижена, работа в закрытом режиме.	Сохраняется, но коммуникация осторожная.	Частично сохраняется, но мероприятия часто проводятся в закрытом формате.
Общая динамика	Тотальные репрессии и вытеснение.	Финансовое и административное удушение при формальной сохранности.	Постепенное ужесточение.

Анти-ЛГБТ+ политика в Беларуси, Грузии и Казахстане

В этой главе рассматривается анти-ЛГБТ+ политика в Беларуси, Грузии и Казахстане на основе интервью с правозащитниками и активистами, непосредственно работающими с сообществами в этих странах. Анализ фокусируется на том, как государственные решения, правоприменительные практики и публичная риторика формируют условия для репрессий, самоцензуры и насилия в отношении ЛГБТ+ людей. Сопоставление трех кейсов позволяет выявить как общие региональные тенденции (усиление контроля, маргинализацию и криминализацию), так и различия в механизмах и интенсивности анти-ЛГБТ+ политики.

В Беларуси анти-ЛГБТ+ политика носит откровенно репрессивный и карательный характер и реализуется через сочетание формально-правовых механизмов и неправовых практик силового давления.

Одним из инструментов давления на квир- и особенно транс-людей, по оценке директорки TG House Алисы Сармант, стало постановление № 24, принятое в апреле 2024 года, которое на практике позволяет приравнивать любые изображения ЛГБТ+-людей к порнографическим материалам. По ее словам, уже известны случаи, когда транс-персон привлекали к уголовной ответственности по статье о распространении порнографии — из-за их личных фотографий, опубликованных в социальных сетях или даже обнаруженных силовиками в галерее телефона. При этом Алиса Сармант подчеркивает:

«Невозможно достоверно оценить масштаб того, как часто это происходит».

Правозащитницы подчеркивают, что именно после принятия постановления № 24 произошла беспрецедентная волна задержаний. Алиса Сармант оценивает это как спланированные действия против квир-сообщества и попытку создать сеть информаторов:

«Через несколько месяцев после вступления в силу постановления № 24 прошла массовая волна задержаний квир-людей. Мы напрямую связываем это с его принятием. По сути, произошла целенаправленная зачистка. Было видно, что действия координированные и происходят почти одновременно. Складывается впечатление, что одной из задач был сбор контактов людей, находящихся в Беларуси и вовлеченных в активистскую, в том числе феминистскую, деятельность. Мы называем это именно волной, потому что и прямые, и косвенные признаки указывают на спланированную атаку на сообщество».

Она также отмечает практику «подставных свиданий», организованную силовыми органами:

«Мужчин, которые знакомятся на дейтинг-сайтах, целенаправленно выискивают. Силовики создают фейковые профили, выдают себя за геев, предлагают познакомиться, договориться о встрече. А когда человек приходит, предъявляют удостоверение и начинают расспрашивать – о знакомых, о других геях, о связях и контактах. Как правило, прямо на таких встречах людей даже не задерживают: основная цель – сбор информации о других. Фактически так формируется неформальная база контактов сообщества».

Репрессии против ЛГБТ+ людей в Беларуси сопровождаются превентивным устрашением. Как рассказывает Алиса Сармант:

«Закон о запрете так называемой “ЛГБТ-пропаганды” формально до сих пор не принят, но на практике силовые структуры уже давно ведут себя так, как будто он действует. Их настолько целенаправленно “накачали” этой повесткой, что многие просто перестали ориентироваться в реальном правовом статусе норм. Они уверены, что такой закон уже существует и его можно применять для задержаний. Так происходило еще полтора-два года назад: тогда речь шла только о заявлениях в СМИ и политической риторике о возможном принятии закона, но на местах это уже интерпретировали как действующую норму».

Репрессивное законодательство в Беларуси оказывает не только прямое карательное воздействие, но и способствует усилению самоцензуры внутри ЛГБТ+ сообщества и связанных с ним инициатив:

«Сейчас люди стали гораздо реже публиковать в соцсетях фотографии и информацию о своих отношениях. Многие знают о случаях преследования и поэтому боятся лишней раз проявляться публично. И квир-инициативы, и организации тоже стали осторожнее: мы стараемся без необходимости не показывать лица и не распространять фотографии участников, потому что это может быть небезопасно».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

Особо уязвимой группой являются трансгендерные люди: с 2025 года Минздрав Беларуси изменил процедуру трансгендерного перехода, заменив в составе комиссии врача-сексолога на психиатра-нарколога. Как говорит Алиса Сармант:

«Это фактически закрепляет подход, в котором трансгендерность рассматривают как какое-то психическое отклонение».

Это сопровождается системным созданием барьеров для прохождения комиссии. Как подчеркивает Алиса Сармант, процедура жестко привязана к определенному перечню конкретных специалистов_к – заключения других врачей не принимаются.

«Существует утвержденный, ограниченный список специалистов, которые уполномочены работать с вопросами транс-перехода, и обращаться нужно строго к ним – заключения от других врачей не принимаются. Люди месяцами не могут попасть на прием к нужным специалистам. Постоянно возникают “отпуска” или внезапные отсутствия. В первую очередь это касается врача-психиатра-нарколога, который ведет транс-пациентов и должен выдавать направления на комиссию. Когда в регистратуре слышат, что обращение связано с транс-переходом, нужный специалист часто оказывается недоступен – якобы на больничном. Все это выглядит как целенаправленное затягивание процесса».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

Кроме того, людям намеренно «ставят диагнозы разные, какие-то психические расстройства», чтобы формально отказать в прохождении комиссии.

В Грузии анти-ЛГБТ+ политика сложна и неоднородна: с одной стороны, репрессивные законы формально не применяются напрямую, но создают сильное давление и неопределенность, ограничивающие деятельность правозащитни_ц и провоцирующее рост насилия.

Грузинские правозащитни_цы подчеркивают: закон о запрете «ЛГБТ-пропаганды» пока не применяется на практике и им не известны случаи привлечения к ответственности, цензуры, запретов книг или блокировок. Как отметила одна анонимная правозащитница:

«Я полагаю, что цель и задача таких законов заключаются не столько в обеспечении их соблюдения, сколько в создании эффекта устрашения, поскольку они вызывают страх и высокие риски, и это приводит к самоцензуре».

Все это вызывает «общее ослабление гражданского общества и утрату его потенциала».

Репрессивное законодательство вынуждает многих ЛГБТ+ людей в Грузии покидать страну, что скрывается на активистском сообществе:

«Это очень серьезная проблема: многие активисты и члены сообщества, особенно транс-люди, вынуждены были бежать из страны. Конечно, это сильно ослабило местный активизм».

Анонимная правозащитница, Грузия

Принятие закона о «ЛГБТ-пропаганде» в Грузии, по оценке правозащитни_ц, не только легитимизировало государственную дискриминацию, но и напрямую способствовало росту насилия на почве ненависти, усиливая ощущение безнаказанности. Так, описывая последствия закона, информантка подчеркивает:

«Радикализация политической гомофобии и трансфобии, а также их оправдание или нормализация со стороны политических деятелей, проникнутых гомофобными и трансфобными высказываниями, усилили чувство безнаказанности, что привело к общему росту преступлений на почве ненависти, особенно с трансфобными мотивами. Кроме того, появились новые тенденции в преступлениях на почве ненависти, с которыми мы никогда раньше не сталкивались, но большинство из пострадавших не обращается в полицию, потому что сейчас сообщество больше не воспринимает полицию как поддерживающий и безопасный механизм».

Анонимная правозащитница, Грузия

Особенно уязвимым после принятия закона о «ЛГБТ-пропаганде» оказалось положение транс-людей в Грузии, поскольку новые нормы фактически лишили их возможности осуществлять транспереход и получать связанную с ним медицинскую помощь. Как подчеркивает анонимная правозащитница из Грузии, одним из ключевых положений закона стало не просто ограничение, а «криминализация услуг, связанных с транспереходом, включая хирургические операции, гормональную терапию – фактически все». При этом ответственность распространяется и на медицинских специали_сто_к: любой врач, который готов оказать помощь транс-челове_ку, «находится под риском уголовного преследования и лишения свободы на срок от одного до четырех лет». Характерно, что даже в период между принятием закона в сентябре и его вступлением в силу в декабре 2024 года, когда формально еще «оставалась возможность легально получить, например, гормональную эндокринологическую помощь», медицинские специали_ст_ки уже отказывали транс-людям в услугах из-за опасений быть привлеченными к ответственности. Это указывает на то, что репрессивный эффект закона начал действовать еще до его формального применения, лишая транс-людей доступа к базовой медицинской помощи.

В Казахстане на момент проведения интервью с правозащитни_цами и закон об «ЛГБТ-пропаганде» был еще только на стадии обсуждения или принятия Парламентом. Поэтому в интервью удалось обсудить лишь гипотетические последствия этого закона и обстановку накануне принятия. Обсуждение и возможное принятие закона о запрете «ЛГБТ-пропаганды» в Казахстане воспринималось правозащитни_цами как многоуровневая угроза, выходящая далеко за рамки прав ЛГБТ+ людей и затрагивающая основы прав человека, безопасность и общественную динамику в целом.

Казахстанские правозащитни_цы отмечают, что анти-ЛГБТ+ поправки используются государством не только как идеологический инструмент, но и как удобный механизм усиления контроля и ограничения гражданских свобод. Так, независимый активист Рахат Садыков говорит о возможных последствиях:

«Это не какой-то определенный закон. Это сборник поправок в уже существующие в Казахстане законы. По правам ребенка, закон о масс-медиа, СМИ, трудовой кодекс даже затрагивают. Около десяти законов и один кодекс. И я думаю, что это очень сильно затронет не только ЛГБТ-людей, это затронет, в принципе, свободу слова в Казахстане, СМИ. Наверное, можно будет любого человека неугодного как-то припихнуть, что ли, к ЛГБТ. Раз вот вы говорите, раз вы их защищаете, если вы их цитируете, то, может быть, тоже имеете связи с ними и так далее. Потому что под пропагандой опять-таки непонятно, что подразумевается. В этих поправках не дается четкого определения. Там пишется просто, что пропаганда это любое позитивное упоминание об ЛГБТ-людях».

Гульзада Сержан отмечает, что, как и в России, этот закон может стать первым в череде значительных наступлений на права человека:

«Таким образом, концепция прав человека будет нарушена. Это станет одним из способов нарушения прав человека в целом. Это первый шаг, как в России».

Правозащитни_цы также связывают обсуждение и принятие закона с ростом насилия на почве ненависти. Уже на этапе обсуждения поправок фиксируется ухудшение ситуации с положением транс-людей и больше кейсов насилия. Закон о запрете «ЛГБТ-пропаганды» оценивается как сигнал обществу о допустимости агрессии. Кроме того, правозащитни_цы указывают на такие возможные последствия закона, как усиление страха, самоцензуры и уязвимости ЛГБТ+ людей в целом. Ожидается рост миграционных настроений в сообществе, поскольку люди уже беспокоятся о своей безопасности.

Говоря о цензуре и блокировках ЛГБТ+ контента в Казахстане, правозащитни_цы подчеркивают, что на данный момент они носят скорее точечный, а не массовый характер, однако уже демонстрируют потенциальные механизмы давления. Так, один из участников исследования отмечает:

«Я знаю не так много блокировок. И последний кейс, который мы, наверное, все знаем, это SelfTanu. А других вот случаев о том, чтобы заблокировали, например, ЛГБТ+ ресурсы, я не знаю. SelfTanu, я думаю, заблокировали, потому что это связано с детьми, потому что сайт был направлен непосредственно на ЛГБТ+ детей, ЛГБТ+ подростков. Поэтому там было активное реагирование со стороны Министерства культуры и информации».

Анонимный правозащитник, Казахстан

В то же время респондент отмечает, что сайты различных квир-инициатив и квир-медиа не подвергались каким-либо блокировкам ранее. В то же время блокировки квир-контента в России оказывают влияние на ЛГБТ+ сообщество и ЛГБТ+ инициативы в Казахстане:

«Мы больше сталкиваемся с блокировками со стороны России, потому что, например, международная трансорганизация, которая работает в регионе, у них заблокирован сайт на территории России. А мы делали подкаст, и в какой-то момент с Яндекс.Платформы нам пришло сообщение от Роскомнадзора о том, что подкаст будет удален».

Анонимный правозащитник, Казахстан

Ситуация с правами транс-людей в Казахстане следующая: с одной стороны, формально существуют гендерно-аффирмативные процедуры и юридического признания гендера, а с другой стороны, эти процедуры являются дискриминационными по сути (например, для юридического признания необходима обязательная хирургическая коррекция) и уровень дискриминации и ограничений растет в последнее время.

Ужесточение практик юридического признания гендера информант напрямую связывает с общим сдвигом политического дискурса в Казахстане и не только: он подчеркивает влияние трансфобной политики Трампа на ситуацию с правами трансгендерных людей по всему миру и в Казахстане в частности.

«Верховный суд признал конституционным решение Трампа об отказе в доступе к юридическому признанию гендера в США. И через два дня я прочитал комментарий нашего депутата, что, видите, вот в Америке, такой толерантной, но там тоже трансгендерным людям запретили менять документы. Причем это он там в контексте поправок о законе пропаганды давал. Это очень быстро подхватывается».

Общим для Беларуси, Грузии и Казахстана является использование анти-ЛГБТ+ политики как инструмента более широкого контроля над обществом, где ключевую роль играет не только прямое правоприменение, но и страх, самоцензура и нормализация насилия. Во всех трех странах транс-люди оказываются наиболее уязвимой группой. При этом различия заключаются в формах реализации: в Беларуси доминирует открытый силовой террор, преследования ЛГБТ+ людей и уголовные дела, в Грузии – рост насилия на почве ненависти и самоцензуры при отсутствии формального правоприменения, а в Казахстане – постепенное, но системное встраивание анти-ЛГБТ+ норм в законодательство с параллельным ростом дискриминации и антигендерных настроений.

Сравнительная характеристика анти-ЛГБТ+ политики

Параметр	Беларусь	Грузия	Казахстан
Дискриминационное законодательство	Да. Постановление №24 (2024) позволяет приравнивать изображения ЛГБТ+ к порнографии; закон «О правах ребенка» признает «ЛГБТ-пропаганду» опасной для детей; обсуждение закона о запрете «ЛГБТ-пропаганды»; изменения процедуры трансперехода.	Да. Принят закон о запрете «ЛГБТ-пропаганды», криминализация услуг, связанных с гендерно-аффирмативными процедурами (включая гормональную терапию и операции).	Да. Принят закон о запрете «ЛГБТ-пропаганды» (уже после проведения интервью).
Правоприменительная практика	Активное карательное применение: уголовные дела, массовые задержания, «подставные свидания», сбор контактов.	Формально отсутствует правоприменение, но сильный превентивный эффект.	Пока нет применения; риски расширительного толкования после принятия закона.
Насилие и преступления на почве ненависти	Высокий уровень, в т.ч. со стороны силовиков; атмосфера страха.	Рост преступлений на почве ненависти, особенно трансфобных; снижение доверия к полиции.	Рост насилия на фоне обсуждения закона; зафиксировано увеличение кейсов, особенно против транс-людей.

Параметр	Беларусь	Грузия	Казахстан
Речи ненависти и политическая риторика	Активная государственная гомофобная риторика; силовые структуры действуют так, будто «закон о пропаганде» уже принят.	Радикализация политической гомофобии и трансфобии; нормализация дискриминационного дискурса.	Усиление анти-ЛГБТ+ риторики в парламенте; политики ссылаются на международные консервативные инициативы (в т.ч. США, Россия).
Доступ к информации и секспросвету	Существенно ограничен; публичная видимость опасна; риск уголовного преследования за контент.	Закон создает эффект устрашения; самоцензура; риски для просветительских инициатив.	Пока сохраняется частичный доступ; были точечные блокировки (например, ресурсы для ЛГБТ+ подростков); риск расширения цензуры.
Блокировки и цензура онлайн-контента	Да, в рамках общей цензуры; риск признания контента «порнографией». Материалы некоторых фем- и квир-инициатив признаны экстремистскими.	Прямых массовых блокировок не зафиксировано, но высокий риск.	Точечные блокировки (например, ресурсы для ЛГБТ+ подростков); влияние блокировок из РФ (Роскомнадзор).
Положение транс-людей	Наиболее уязвимая группа; усложнение прохождения комиссии; затягивание процедур; патологизация трансгендерности (за счет включения психиатра-нарколога в комиссию).	Криминализация гендерно-аффирмативных процедур; фактическое лишение доступа транслюдей к медпомощи.	Формально процедуры существуют, но обязательна хирургическая коррекция для смены документов; рост отказов и дискриминации.
Наличие работающих квир-НКО	Сильно ограничены; работают в условиях риска, в изгнании или подпольно.	Сохраняются, но ослаблены из-за эмиграции многих активисток и государственного давления.	Функционируют; пространство сужается, но открытая деятельность пока возможна.

Параметр	Беларусь	Грузия	Казахстан
Доступ к помощи от НКО	Ограничен из-за рисков; осторожность, анонимизация участниц.	Доступ есть, но сообщество деморализовано.	Сохраняется доступ; НКО документируют насилие и оказывают правовую и другую помощь.
Антидискриминационное законодательство	Отсутствует эффективная защита от дискриминации по СОГИ.	Формально существуют антидискриминационные нормы, но защита ослаблена новым законом.	Отсутствует эффективная защита от дискриминации по СОГИ, хотя ведется работа над общей рамкой антидискриминационного законодательства.
Академическая свобода и гендерные исследования	Сильно ограничены в рамках общего подавления академической свободы.	Риски усиливаются; гендерная тематика становится политически чувствительной.	Формально возможны, но под риском стигматизации из-за принятия закона о «пропаганде».
Самоцензура и атмосфера страха	Очень высокий уровень; люди избегают публичности, не публикуют фото, скрывают идентичность.	Высокий уровень; закон действует как инструмент устрашения.	Растущий уровень; ожидание закона усиливает страх и миграционные настроения.
Миграционные тенденции внутри сообщества	Высокие (вынужденная эмиграция).	Высокие, особенно среди транс-людей и активисток.	Растущие ожидания эмиграции на фоне возможного ужесточения законодательства.

Антигендерная политика и состояние прав женщин в Беларуси, Грузии и Казахстане

Во всех трех странах антигендерная политика проявляется через сочетание институциональных ограничений прав женщин, консервативной риторики и выборочной имплементации формально антидискриминационных норм, однако конкретные механизмы и степень давления различаются.

В Беларуси антигендерная политика в первую очередь выражается через ограничения репродуктивных прав женщин, а именно через усложнение доступа к абортам.

Анонимная правозащитница из Беларуси указывает на последствия введения обязательного предабортного консультирования:

«Когда речь идет об аборте, каждый день может иметь значение: женщине нужно отпроситься, нужно получить это направление. Это все просто увеличивает время ожидания, и, конечно, тогда она просто теряет легальный способ сделать аборт. Мониторинг показывал, что, хотя по закону или по инструкции это консультирование должно проводиться психологами, иногда оно проводилось людьми, которые не имеют психологического образования, среди которых были представители религиозных организаций, и они в общем-то просто отговаривали женщин, запугивали, говорили про грехи и так далее».

Введение предабортного консультирования фактически используется как инструмент репродуктивного давления.

Как отмечает правозащитница, государственная политика демонстрирует избирательную моральную логику, когда, с одной стороны, процедура ЭКО не проблематизируется и поддерживается государством в том числе субсидиями, а с другой стороны, аборт объявляется убийством.

«В ЭКО, когда мы выбираем наиболее живучие эмбрионы, которые приживутся, это не убийство. Это, значит, такая процедура. А вот аборт, конечно, это уже убийство. Ну, то есть в этом есть немножко лицемерия. Это просто говорит о том, что государству выгодно. Когда-то выгодно было слушать правозащитные организации, бороться с насилием так, как мы предлагали. Теперь выгодно слушать религиозные организации и поддерживать иногда антинаучные какие-то взгляды о том, что эмбрион на третьей неделе жизни выглядит как мини-человек, что вообще не соответствует действительности».

Еще одно внутреннее противоречие в белорусской про-наталистской политике правозащитница видит в ограничениях репродуктивных прав ВИЧ-положительных женщин:

«С одной стороны, рожайте-рожайте, с другой стороны, женщина, у которой есть ВИЧ, которая собирается рожать, ее часто отговаривают, предлагают сделать аборт».

Это подчеркивает двойные стандарты белорусской государственной политики, где риторика поддержки рождаемости маскирует дискриминационные практики.

Беларусские правозащитницы подтверждают, что проблема гендерного и домашнего насилия в стране стоит сейчас особенно остро.

«На любом уровне насилия и угрозы совершения насилия я очень мало верю, что женщины сейчас чувствуют себя в безопасности».

Анонимная правозащитница, Беларусь

Правозащитница Наста Базар отмечает, что возросший в целом уровень насилия в стране, включая полицейское насилие, влияет на ситуацию с насилием по отношению к женщинам, а государственный произвол и репрессии лишает пострадавших от насилия возможности получить защиту от государства:

«Куча историй есть, когда женщины не могут пойти в милицию в ситуации домашнего насилия, потому что мужчины говорят: "Ну, а тогда я покажу твою фотографию»

за 2020 год <с протестов>.” ... Для меня не менее страшен общий уровень возросшего насилия, что в целом люди считают, что раз менты могут, то и я могу».

В ситуации, когда НКО, помогающие пострадавшим от гендерного насилия, оказались вытеснены из легального поля, государственные центры помощи и шелтеры имеют значительные ограничения. Анонимная правозащитница отмечает:

«Большая часть помощи, которая предоставляется государственными центрами, это не специализированная помощь. То есть она предоставляется всем: мужчинам, женщинам – часто в одном помещении. То есть у государства нет понимания, что у насилия есть гендерный аспект».

Кроме того, после ликвидации неправительственных организаций доступ к шелтерам для пострадавших от насилия стал более ограниченным и территориально привязанным:

«Сейчас помощь предоставляется по месту жительства. Ты не можешь, живя в Бресте, получить помощь в Гродно. Тебе нужно ее получать в Бресте. Когда были НПО, можно было уехать в этот большой минский шелтер и получить там помощь. Конечно, процедура не была настолько зарегулированной. И вход в них был легче, и можно было получать помощь дольше. Это сейчас страдает».

Доступное подросткам сексуальное образование в Беларуси практически невозможно, поскольку оно подвергается жесткому государственному контролю и ограничениям: «Секс-просвещение теперь тоже, согласно постановлению Министерства культуры <постановление №18 от 8 мая 2007 года регулирует производство и распространение секс-образовательных материалов, а постановление №24 усиливает контроль над их содержанием>, является деятельностью, на которую нужно получать разрешение». При этом сам термин «сексуальное» вытесняется как нежелательный. В целом государство не поощряет информирование подростков о сексуальном здоровье, так как видит в этом угрозу:

«Они считают, что разговор с подростками о сексе будет способствовать распущенности, росту сексуальных дебютов, хотя такой прямой зависимости нет».

Анонимная правозащитница, Беларусь

В Грузии антигендерная политика носит более противоречивый и фрагментированный характер, сочетая формально либеральные нормы с усиливающимся консервативным поворотом.

Несмотря на то что в Грузии есть закон о противодействии домашнему насилию, правозащитницы отмечают, что проблема гендерного насилия все еще стоит очень остро. Правозащитницы говорят о том, что меры по противодействию домашнему и гендерному насилию фактически не имплементируются и не решают имеющиеся проблемы.

Доступ к прерыванию беременности в Грузии остается легальным, однако государство использует демографическую риторику для введения дополнительных барьеров.

«Было несколько инициатив, направленных на спасение нации, демографии и всего остального. В 2023 году были внесены поправки в закон об абортах. В них было предусмотрено дополнительное консультирование социальным работником и психологом перед абортом. Это обсуждалось в контексте обеспечения доступа к психологам, поскольку аборт также может быть травматичным для женщин, для того чтобы как-то им помочь. Но это было введено в другом виде – так, чтобы создать препятствия для женщин, решивших сделать аборт, потому что в небольших клиниках в регионах нет социальных работников и психологов, которые могли бы проводить консультирование, и эта процедура создает препятствия для быстрого и беспроblemного проведения аборта».

Эка Церетели, Women's Initiatives Supporting Group, Грузия

Одновременно с этим в Грузии остается актуальной проблема селективных аборт:

«Также очень распространены и селективные аборты. Исследования показывают, что особенно популярны селективные аборты в отношении первого ребенка, потому что все в Грузии хотят, чтобы первым ребенком был мальчик».

Эка Церетели, Women's Initiatives Supporting Group, Грузия

Сексуальное образование в Грузии сведено к минималистской программе по «здоровому образу жизни», где, по словам правозащитниц «ничего особо нет по гендерным или ЛГБТ+ вопросам» (Эка Церетели, Women's Initiatives Supporting Group, Грузия), как таковое секс-просвещение отсутствует.

Особенно показательным шагом антигендерной политики в Грузии является исключение самого

понятия «гендер» из законодательства:

«В апреле 2025 года в Закон о гендерном равенстве были внесены поправки. Поправки заменили термин “гендер” термином “равенство между женщинами и мужчинами” во всех упоминаниях в грузинском законодательстве. Таким образом, “гендерная идентичность” как защищаемое основание была исключена из антидискриминационного закона».

Анонимная правозащитница, Грузия

Это напрямую может повлиять и на грузинскую академию: хотя магистерская программа по гендерным исследованиям формально существует, будущее дисциплины неопределенно, а интерес студентов низок, поскольку, как отмечает анонимная правозащитница, «феминизм, а также сексуальное образование исключены из этих школьных программ».

В Казахстане антигендерная политика проявляется не через прямые ограничения, а скорее через риторику «традиционных ценностей».

Формальные успехи феминистского движения в Казахстане, такие как закон о домашнем насилии и отмена списка запрещенных профессий, как отмечают правозащитницы, стали возможны только благодаря активной правозащитной работе, а не по инициативе государства. С другой стороны, этот успех не был бы возможен без согласия властей и их признания необходимости подобных мер:

«Любые победы <гражданского общества>, насколько я заметил, не происходят без того, что государство, правительство согласится с этим. Например, вот этот закон <о домашнем насилии> был принят в тот момент, когда глава государства участвовал в саммите по гендерному равенству, и было озвучено правительством, что необходимо ввести такое законодательство, заниматься вопросами развития гендерного равенства и противодействовать гендерному насилию. Я думаю, что на этот законопроект, на то, что он в конечном итоге был принят, повлияло много открытых кейсов со стороны движения «Не молчи». Но, например, если мы говорим про отмену списка запрещенных профессий для женщин, это решение в принципе тоже было принято благодаря тому, что в рамках этого движения по изменению законодательства по гендерному насилию, по развитию гендерного равенства, благодаря тому, что на высшем уровне глава государства сообщил о необходимости этого».

Рахат Садыков, независимый активист, Казахстан

При этом, как отмечает Жанар Секербаева, сам закон о домашнем насилии не работает, поскольку в Казахстане отсутствует системная работа с общественными установками:

«Нет, он не работает. Представьте себе, например, что я токсичный мужчина. Как я пойму, что токсичная маскулинность – это не очень хорошо? Благодаря закону? Нет! Я никогда не буду читать закон. Почему? Я токсичный мужчина. Я бы сказал, что это дерьмо. Правильно? Поэтому им нужно создать нарратив и сделать что-то публично. Очень элементарные лекции, например. ...Так что правительство не делает самую большую, важную работу, которая будет сопровождать этот закон. Почему вы не говорите на очень сложную тему избиений, конфликтов, психического насилия, физического насилия? Нет! Они просят людей не разводиться. Это политика нашего правительства».

Жанар подчеркивает, что юридические меры недостаточны без новых нарративов и образовательных кампаний по теме насилия и гендерного равенства. Вместо принятия необходимых комплексных мер правительство продвигает традиционалистскую риторику, игнорируя коренные причины насилия, сводя на нет все преимущества нового закона о насилии.

Какая-либо риторика о необходимости ограничить доступ к абортам в Казахстане, по словам Гульзады Сержан, не находит массовой поддержки в обществе, поскольку аборты давно стали привычной медицинской услугой благодаря советскому прошлому, а религиозный фактор недостаточно силен, чтобы изменить эту ситуацию:

«Эта риторика об абортах и т. д. не приносит успеха. Они не могут запретить аборты, потому что многие женщины делают аборты, поэтому это очень популярно и трудно остановить женщин от абортов. Эта риторика не очень популярна, потому что религия здесь не так влиятельна... Эта риторика не может повлиять на постсоветское пространство, где аборты входят в программу охраны здоровья женщин. Поэтому изменить эту ситуацию не так просто».

Сексуальное образование сталкивается с активным сопротивлением антигендерных движений и бюрократическими барьерами: как отмечает Жанар Секербаева, даже небольшие образовательные лекции требуют «бюрократической карусели»:

«Обычно сексуальное образование не очень приветствуется в школах. Потому что нужно попросить разрешения у многих людей».

Кроме того, любые упоминания ЛГБТ+ или гендерных вопросов в контексте подросткового образования вызывают моральную панику. В казахстанской академии сохраняется ограниченное пространство для гендерных курсов, но возможна негласная цензура: темы ЛГБТ+ и феминизма часто предлагается «смягчить».

В целом для всех трех стран характерны использование риторики традиционных ценностей, отсутствие системного и гендерно-чувствительного подхода к домашнему насилию, маргинализация сексуального образования и ограниченное пространство для гендерных исследований в академии. Различия заключаются в степени институциональной жесткости: Беларусь демонстрирует наиболее репрессивную и централизованную модель, в Грузии – противоречивая комбинация либеральных (закон о домашнем насилии, подписанная Стамбульская конвенция) и консервативных (ограничения в доступе к абортам, консервативная риторика) подходов с полным отказом от понятия «гендер» в законодательстве; в Казахстане меры о противодействии гендерному насилию существуют, но пока не имплементируются, что сочетается с активным продвижением консервативной риторики.

Сравнительная характеристика антигендерной политики

Параметр	Беларусь	Грузия	Казахстан
Ограничение репродуктивных прав	Формально аборт легален, но введено обязательное предабортное консультирование, создающее барьеры доступа; участие религиозных акторов; давление на ВИЧ-положительных женщин; выраженная пронаталистская риторика.	Аборт легален, но введено обязательное предабортное консультирование, что создает барьеры, особенно в регионах; демографическая риторика; сохраняется практика селективных абортов.	Аборт легален и широко распространен; попытки ограничительной риторики не находят широкой поддержки; религиозный фактор относительно слаб; ограничений доступа не зафиксировано.
Домашнее и гендерное насилие	Высокий уровень насилия; рост на фоне общей эскалации репрессий; ограниченный доступ к защите; государственные центры без гендерно-специализированного подхода; ликвидация НКО, специализирующихся на помощи в ситуации домашнего насилия.	Закон о противодействии домашнему насилию существует, но имплементация слабая.	Закон о домашнем насилии принят (под давлением активистов), но не работает, по словам правозащитников; отсутствуют системные просветительские меры.
Доступ к специализированной помощи (шелтеры, кризисные центры)	НКО вытеснены; государственные центры предоставляют неспециализированную помощь; территориальные ограничения доступа.	Формально механизмы существуют, но эффективность ограничена; недостаточно специализированной поддержки.	Формально существуют кризисные механизмы, но их эффективность ограничена; государственная поддержка носит декларативный характер.

Параметр	Беларусь	Грузия	Казахстан
Наличие и работа феминистских НКО	Большинство НКО ликвидированы или вытеснены из легального поля.	НКО продолжают работать, но в условиях усиливающегося давления и консервативной повестки.	Активные феминистские инициативы, оказывают влияние на законодательство, но сталкиваются с сопротивлением.
Доступ к сексуальному образованию	Сильные ограничения; требуется разрешение на распространение материалов; термин «сексуальное» вытесняется; государство считает секс-просвещение угрозой.	Формально есть курс по «здоровому образу жизни», но без информации о гендере и ЛГБТ+; полноценное сексуальное образование отсутствует.	Сексуальное образование не приветствуется; требуется множество разрешений; активное сопротивление антигендерных движений; моральная паника вокруг ЛГБТ+ тем.
Антидискриминационное законодательство	Отсутствует антидискриминационное законодательство; не подписана Стамбульская конвенция.	Формально существует антидискриминационное законодательство. Термин «гендер» исключен из законодательства (2025); гендерная идентичность исключена из защищаемых оснований. Стамбульская конвенция подписана.	Законодательство о противодействии насилию существует; обсуждается создание антидискриминационного законодательства; не подписана Стамбульская конвенция.
Академические свободы и гендерные исследования	Существенное сужение академических свобод; гендерные исследования маргинализированы.	Магистерская программа по гендерным исследованиям формально существует; будущее программы неопределенно; исключение термина «гендер» из законодательства может повлиять на образовательные программы.	Возможны отдельные курсы по гендеру; присутствует негласная цензура тем об ЛГБТ+ и феминизме.

Ключевые акторы антигендерных движений в трех странах

Представленная ниже сравнительная карта акторов антигендерных движений основана на прересерче по открытым данным и ограниченном количестве экспертных интервью с правозащитницами в Беларуси, Грузии и Казахстане. Исследование не ставило целью исчерпывающе идентифицировать и описать всех акторов антигендерного поля, а представляло собой первую попытку картирования этого пространства на основе доступных свидетельств.

Наши результаты получились неравномерными для всех трех стран. Более подробная проработка кейса Казахстана связана не с большей значимостью антигендерной мобилизации в этой стране, а с тем, что среди респонденток был участник, специально занимавшийся исследованием антигендерных движений. В целом эта тема в Казахстане оказалась более концептуализированной в экспертном поле, что отразилось и на глубине описания акторов. Соответственно, различия в детализации не следует интерпретировать как показатель различий в масштабах или интенсивности антигендерной политики, а скорее как результат исследовательских ограничений и структуры выборки.

Правозащитницы во всех трех странах сталкиваются с явлениями, которые они готовы концептуализировать как антигендерные движения или антигендерные нарративы, все информанты легко понимали вопросы про антигендерные движения без дополнительных разъяснений, но в своей работе этот термин использовали неравномерно. У кого-то он активно использовался в аналитической и адвокационной работе, в то время как другие правозащитницы предпочитали в работе использовать более узкие понятия

в соответствии со своим фокусом работы (например, «анти-ЛГБТ»).

Так, беларусская правозащитница Алиса Сармант реже использует термин «антигендерное движение», предпочитая говорить об анти-ЛГБТ инициативах, поскольку именно они наиболее заметны и операционализируемы в работе транс-организации.

Грузинские правозащитни_цы активно используют понятие «антигендерное движение» в своей работе, хотя подчеркивают, что это не единая коллективная идентичность, а зонтичный термин. Он включает разрозненные ультраправые и консервативные группы, объединенные враждебностью к ЛГБТ+ правам. Важный акцент делается на насилии: антигендерные акторы рассматриваются не только как дискурсивные оппоненты, но еще и как группы, напрямую причастные к срывам прайд-мероприятий и физическим атакам на правозащитни_ц и ЛГБТ+ людей, остающиеся при этом безнаказанными.

Казахстанские правозащитни_цы подчеркивают, что об антигендерном движении говорят давно и системно, отслеживают его развитие как минимум с 2020 года, воспринимая его как угрозу и инструмент, который государство использует в репрессивных целях.

В ходе интервью стало очевидно, что информанты понимают «антигендерное движение» как широкий, зонтичный термин, охватывающий как анти-ЛГБТ+, так и антифеминистские инициативы, а также риторику о «традиционных ценностях», «защите детей и семьи». Даже те эксперты, которые в своей повседневной правозащитной работе преимущественно используют более узкие категории (например, «анти-ЛГБТ»), в рамках интервью рассматривали антигендерную мобилизацию как структурно более широкое явление, выходящее за пределы исключительно квир-повестки. Различия касались скорее операционализации термина в профессиональной практике, чем его концептуального понимания. Таким образом, даже если термин «антигендерное движение» используется правозащитни_цами из разных стран не всегда или не часто, сама логика анализа этого явления, мониторинга антигендерных инициатив и нарративов и противодействия им так или иначе присутствует в работе всех правозащитни_ц, с которыми мы смогли поговорить. Далее представлена карта ключевых акторов антигендерных движений в каждой стране.

Беларусская правозащитница Наста Базар считает центральным актором антигендерной политики в Беларуси Александра Лукашенко, приписывая ему решающую и фактически монополярную роль в формировании повестки. Антигендерная и анти-ЛГБТ+ политика и риторика описывается ею не как результат борьбы идеологий или иных социальных процессов, а как

вертикально транслируемое политическое решение:

«...Я все-таки считаю, что последнее слово и первое слово за ним. Если он ничего не говорит, тогда... есть люди, от которых зависит многое, и они могут свое что-то транслировать. Но я думаю, что в большинстве ситуаций как он скажет, так и будет».

Антигендерная идеология, таким образом, воспринимается как зависимая от воли одного человека, а не как самостоятельное движение «снизу» (это наблюдение подтверждает также и то, что никто из белорусских правозащитниц почти не упоминал какие-либо низовые антигендерные движения). Наста Базар подчеркивает, что гипотетическое изменение позиции Лукашенко автоматически изменило бы и поведение всей системы:

«Если бы он сказал “не трогаем геев”, то никто бы не посмел трогать геев».

Белорусские правозащитницы также называли формальных политических акторов: депутатов, представителей правительства. На уровне публичной политической риторики ключевым и наиболее заметным спикером Алиса Сармант называет Олега Гайдукевича, депутата и лидера Либерально-Демократической партии Беларуси:

«Есть, например, гомофобные и трансфобные депутаты, как, например, Олег Гайдукевич, который особенно часто высказывается на темы ЛГБТ и трансгендерного перехода. Он регулярно появляется в публичном поле с комментариями на эту тему. Рассказывает про “вред Запада”, про якобы смену пола в школах и продвигает тезис, что в Беларуси этого быть не должно».

Таким образом, Гайдукевич выступает как активный ретранслятор антигендерных нарративов, легитимируя их с помощью своего депутатского статуса.

Кроме того, перечисляя ключевых акторов антигендерного движения, Алиса Сармант упомянула Наталью Кочанову, председательницу Совета Республики:

«Она как раз-таки высказывалась за включение в Концепцию национальной безопасности брака между мужчинами и женщинами по рождению».

В этом описании она оказывается актором, стремящимся закрепить антигендерные установки в правовых нормах.

Беларусские правозащитни_цы также называли в качестве акторов антигендерного движения провластные женские объединения, такие как «Белорусский союз женщин». Эти структуры описываются не как самостоятельные идеологические объединения, а как проводники государственной идеологии:

«Эта <антигендерная> идеология уже стала государственной. Они, в первую очередь, являются носителем государственной идеологии. То есть если завтра государственная идеология изменится, <то и их риторика изменится>. Ведь когда-то и не было у нас такой сильной направленности антигендерной, и союз женщин это не продвигал».

Анонимная правозащитница, Беларусь

Отдельную категорию составляют индивидуальные лоялистские активист_ки, действующие через жалобы и обращения в госорганы. Наиболее яркий (и единственный названный информантами) пример — Ольга Бондарева.

«Она активно направляет обращения в государственные органы и регулярно подает жалобы, связанные с ЛГБТ-темой. Это вообще в целом главная доносчица».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

Ее описывают как крайне активного низового актора репрессивной системы в Беларуси.

Еще одним актором антигендерного движения в Беларуси является православная церковь:

«Православные религиозные организации в Беларуси тоже активно продвигают анти-ЛГБТ повестку среди верующих. Ранее они собирали подписи под петициями за запрет так называемой ЛГБТ-пропаганды. Такая риторика звучит у них постоянно: они призывают власти вводить запреты и ограничения. И когда государственная пропаганда выпускает подобные ролики или материалы, там часто используются ссылки на церковь и религиозные аргументы».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

Католическая церковь в Беларуси также не поддерживает ЛГБТ+ людей, однако участни_цы исследования воздержались от комментариев по этому поводу, так как католики в Беларуси сейчас подвергаются политическому преследованию.

Ключевыми усилителями и ретрансляторами антигендерной повестки выступают государственные и квазигосударственные

СМИ, которые систематически поднимают эту тему:

«Одно из крупнейших пропагандистских изданий в Беларуси – это “Беларусь сегодня”, они особенно активно продвигают анти-ЛГБТ-повестку. Государственное телевидение – в том числе БТ 1 и СТВ – тоже регулярно выпускает подобные сюжеты. Есть и региональные государственные медиа, например “Гродненская правда”, где такие материалы также появляются».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

Перечисленные выше акторы антигендерного движения в Беларуси, судя по словам информантов, действуют не столько как независимые агенты, сколько как элементы одной системы с заметным влиянием государственных структур, где ключевые инициативы часто исходят сверху.

В Грузии ключевым и наиболее влиятельным актором антигендерной повестки респондент_ки прямо называют правящую партию и государственные институты:

«Мы должны признать, что основные антигендерные нарративы сейчас поддерживаются правящей партией».

Эка Церетели, Women’s Initiatives Supporting Group, Грузия

С 2023 года антигендерные высказывания со стороны политических элит становятся регулярной практикой:

«С 2023 года распространение антигендерных дискурсов политическими деятелями стало практически нормой. Среди них были представители законодательных и исполнительных органов власти».

Анонимная правозащитница, Грузия

Таким образом, антигендерный дискурс в Грузии встраивается в официальный политический мейнстрим, а не ограничивается радикальными периферийными группами.

Другим важным актором антигендерного движения в Грузии правозащитни_цы называли ультраправые движения. Наиболее устойчивым и узнаваемым негосударственным актором антигендерного движения называли объединение Alt-Info:

«Я упомянула Alt-Info, потому что это наиболее стабильная группа, действующая уже три или четыре года. Но раньше у нас были небольшие группы, которые координировались одними и теми же людьми».

Эка Церетели, Women’s Initiatives Supporting Group, Грузия

При этом участни_цы этого объединения, по словам правозащитни_ц долго маскировали пророссийскую ориентацию под риторику «традиционных» и «грузинских» ценностей. Однако позже они стали открыто демонстрировать союз с Россией, посещали Москву и публиковали свои фотографии на фоне Кремля.

Грузинская православная церковь рассматривается как важный, хотя и ослабленный, актор антигендерного поля:

«Не следует забывать и о церкви, которая сейчас немного ослабла... но все же она остается крупнейшим мобилизатором избирателей».

Эка Церетели, Women's Initiatives Supporting Group, Грузия

Церковь не описывается как генератор сложных идеологических нарративов, но как мощный символический ретранслятор:

«Дело не в том, что Церковь является создателем этих нарративов, а в том, что она лишь отражает их».

Эка Церетели, Women's Initiatives Supporting Group, Грузия

Ключевым инструментом церковного влияния служит введение нового праздника, дня святости семьи, 17 мая в международный день борьбы с гомофобией и трансфобией:

«С 2014 года 17 мая в Грузии отмечается День святости семьи, установленный Патриархом Грузии и теперь обоснованный Законом о защите семейных ценностей и несовершеннолетних. Весь этот процесс сильно пропитан гомофобией и трансфобией».

Анонимная правозащитница, Грузия

Через этот символический календарный жест ЛГБТ+ общество в Грузии систематически фреймируется как угроза национальным традициям, семье и религии.

Среди наиболее влиятельных каналов распространения антигендерной идеологии называются проправительственные телеканалы (например, Imedi). В последние годы, как наблюдают грузинские правозащитни_цы, ключевым каналом становятся социальные сети, прежде всего TikTok, но также и Facebook, Telegram, сети ботов и троллей в комментариях.

Таким образом, в Грузии антигендерная повестка формируется прежде всего сверху, правящей партией и государственными институтами, и усиливается сетью крайне правых и пророссийских групп, церковными структурами и проправительственными медиа.

В Казахстане правозащитни_цы также указывают государство и власть как одно из ключевых акторов антигендерного движения:

«Правительство. Я думаю, что это правительство. Я думаю, что это даже <актор> номер один. Потому что я вижу, как правительство, это тоже практика из Советского Союза, как они пытаются, как бы сказать, разделять людей».

Жанар Секербаетова, Феминита, Казахстан

В то же время независимый активист Рахат Садыков подчеркивает, что государство на уровне документов и обязательств, напротив, вынуждено поддерживать прогрессивные нормы:

«Все-таки у нас государство, ссылаясь на международные ратифицированные договоренности, пытается... проводить превенцию суицидов среди подростков, противодействовать буллингу. Действительно хорошие нормы принимаются».

Однако одновременно государство описывается как ключевой скрытый бенефициар и модератор антигендерной мобилизации. Антигендерные акторы используются как инструмент для обоснования репрессивных норм:

«Мы предлагаем хорошие инициативы, но тут вдруг "народ выступает против". Народ не хочет этого, и где-то в каких-то инициативах государственных эти инициативы откатываются назад».

Таким образом, государство не обязательно публично продвигает антигендерную идеологию, но создает условия, в которых такие движения становятся «удобным голосом народа».

Центральным и наиболее оформленным актором антигендерного движения практически все респондент_ки называют Республиканское общественное объединение «Казахстанский союз родителей». Организация описывается как крупная и хорошо организованная, с филиалами по всей стране и действующая по принципу «франшизы»:

«Это как республиканское объединение, которое имеет филиалы... они начали почковаться в разных городах».

Анонимный правозащитник, Казахстан

Она объединяет сразу несколько повесток:

«Это гомофобная организация, это антиваксерская организация, это антипсихологическая организация, в общем, все "анти-анти-анти", которые только можно собрать».

Рахат Садыков, независимый активист, Казахстан

Истоки движения напрямую связываются с антивакцинной мобилизацией во время COVID-19 в 2020–2021 годах. Отмечается и неравное отношение государства к этой организации по сравнению с правозащитными НКО, что указывает на де-факто институциональную поддержку:

«И вот это вот какая-то некая поддержка со стороны властей местных и республиканского масштаба. Я наблюдаю эту поддержку все время, повсеместно, во всех регионах, по отношению ко всем представителям этой организации. Она проявляется, например, в виде поддержки мирных собраний. Если проводить параллель между феминистской инициативой “Феминита”, сколько бы они ни подавали заявлений на мирное собрание, постоянно приходят отказы. Им приходится подавать больше 15 заявлений на один только день, и постоянно приходят отказы. Республиканское общественное объединение “Казахстанский союз родителей” единожды подало заявление в 2022 году и сразу же получило разрешение. Они провели этот митинг».

Рахат Садыков, независимый активист, Казахстан

Среди активистов_к родительских инициатив часто встречаются социально уязвимые женщины со сложным жизненным бэкграундом, которые зависят от государственных пособий. Гульзада Сержан прямо указывает на роль силовиков в их мобилизации:

«Эти женщины не имеют хорошего образования. И они были привлечены Комитетом национальной безопасности, чтобы стать частью этого антигендерного движения. Я не думаю, что эти женщины осознают, что ими манипулируют. Все, что они хотят, – это социальные выплаты из бюджета. За каждого ребенка они получают небольшую сумму денег, но если у вас семеро детей, эта сумма умножается на семь и дает вам ежемесячную зарплату. И эти женщины, из-за такой социализации, думают, что они обязаны этому правительству. А затем этот комитет национальной безопасности использует этих женщин, говоря: «Мы даем вам, разве вы не хотите? Если вы не хотите, мы лишим вас социальных льгот. Вы должны идти и делать все, что они говорят, и именно поэтому эти женщины нападают на нас».

В антигендерное поле включены и маргинальные, но активные группы, часто с внешними связями. Среди них антиваксерские и конспирологические движения, такие как «Единство осознанных»:

«У них теория о том, что государство – это корпорация... они учат людей адвокации, как писать обращения».

Рахат Садыков, независимый активист, Казахстан

Сюда же относятся саентологические структуры, маскирующиеся под правозащитные НКО:

«У них есть НПО “Центр по правам человека”... они против специалистов по ментальному здоровью и против ЛГБТ+».

Рахат Садыков, независимый активист, Казахстан

Отмечаются транснациональные источники идеологии и финансирования:

«Часто это идет со Штатов, приживается в России, а потом расплзается».

Рахат Садыков, независимый активист, Казахстан

В Казахстане заметную, но ограниченную и фрагментарную роль играют религиозные акторы, прежде всего представители ислама. При этом участницы исследования подчеркивают, что религиозные структуры не занимают позицию активного лоббирования. Поддержка чаще исходит от отдельных мулл и имамов, а не официальных организаций.

В совокупности все это формирует в Казахстане гибкую и ситуативную антигендерную систему, тесно интегрированную в логику авторитарного управления и управляемых общественных конфликтов.

В целом во всех трех странах антигендерная повестка формируется при ключевой роли государства и тесно связана с логикой политического контроля, однако степень централизации и форма этой роли существенно различаются. В Беларуси антигендерная политика носит максимально вертикальный характер и фактически сводится к воле одного политического актора, тогда как в Грузии она встроена в партийно-государственный мейнстрим и усиливается уличным насилием со стороны ультраправых и символическим влиянием церкви, а в Казахстане принимает гибридную форму, где государство выступает не столько открытым идеологическим лидером, сколько скрытым модератором и бенефициаром «низовой» мобилизации.

Ключевое различие между странами заключается в конфигурации негосударственных акторов: если в Беларуси они в основном выполняют функцию ретрансляторов государственной линии, то в Грузии и особенно в Казахстане антигендерное поле более фрагментировано и включает устойчивые квазигражданские структуры (ультраправые группы, «родительские» движения), которые создают эффект общественного запроса. При этом сходство состоит в том, что во всех трех контекстах антигендерные нарративы используются как инструмент легитимации репрессивных практик и ограничения прав женщин и ЛГБТ+ людей, независимо от того, как они оформляются.

Сравнительная таблица антигендерных акторов в трех странах

Категория акторов	Беларусь	Грузия	Казахстан
Государственные акторы (политическое руководство, институты власти)	Александр Лукашенко (центральный актор, определяющий повестку); депутаты; публичные политики: Олег Гайдукевич; Наталья Кочанова.	Правящая партия «Грузинская мечта»; представители законодательной и исполнительной власти.	Правительство Республики Казахстан; государственные институты; силовые структуры (включая КНБ).
Провластные и квазигосударственные НКО и объединения	«Белорусский союз женщин».	Нет (прямо провластные НКО в интервью не назывались).	«Казахстанский союз родителей» (крупная республиканская сеть).
Независимые / квазигражданские движения и группы	Индивидуальные лоялистские активистки (напр., Ольга Бондарева).	Ультраправые движения; самое крупное и устойчивое – Alt-Info.	Антиваксерские и конспирологические движения (напр., «Единство осознанных»); саентологические структуры («Центр по правам человека»).
Религиозные акторы	Белорусская православная церковь; католическая церковь (упоминалась без детализации).	Грузинская православная церковь (символический мобилизатор).	Отдельные муллы и имамы (без выраженной институциональной кампании, по словам информантов). В то же время главный имам и представители Духовного управления мусульман Казахстана делали соответствующие заявления.

Категория акторов	Беларусь	Грузия	Казахстан
Медиа и каналы распространения	Государственные СМИ: «Беларусь сегодня»; телеканалы БТ-1, СТБ; региональные госСМИ.	Проправительственные телеканалы (напр., Imedi); группы и каналы в соцсетях (TikTok, Facebook, Telegram), сети ботов.	Социальные сети; родительские паблики; мобилизация через разрешенные митинги.
Транснациональные связи	Заимствования из российской анти-гендерной риторики и повестки.	Пророссийская ориентация части ультраправых (визиты в Москву).	Идеологические заимствования из США и России.

Антигендерные нарративы в трех странах

1. Беларусь

Защита традиционных ценностей как государственная миссия

Один из центральных сюжетов антигендерного дискурса – утверждение, что белорусское государство якобы:

«Строго стоит на защите традиционных ценностей, ЛГБТ не пройдет, все в порядке».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

Эта риторика используется для демонстрации контроля и стабильности, а также для символического «успокоения» общества.

При этом правозащитницы подчеркивают внутреннее противоречие этого нарратива: ЛГБТ+ люди одновременно объявляются исчезающе малой, незначимой группой и являются объектом постоянного законодательного и репрессивного давления:

«Они постоянно утверждают, что ЛГБТ+ людей в стране якобы почти нет, что это “мизер” и что все уже уехали. Но при этом продолжают принимать постановления и законы, ужесточают процедуры, в том числе доступ к транс-переходу. Получается явное противоречие: с одной стороны, заявления, что проблемы не существует, с другой – постоянные ужесточения и нагнетание темы».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

В качестве примера подобного нарратива можно привести слова Олега Гайдукевича:

«На самом деле мой вопрос очень серьезен, это традиционные ценности. И глава государства хоть и с юмором ответил, но ответ его был очень серьезен и мне понятен. Я услышал главное для себя – пропаганды нетрадиционных ценностей, того, что разрушает нашу семью и наши устои, в Беларуси не будет и большего мне не надо. Я увидел четкую позицию главы государства»⁷⁰.

Ключевая рамка здесь – это представление о том, что государство обязано активно охранять «традиционные ценности», а любые «нетрадиционные» по определению разрушительны и опасны. Высказывание построено не как самостоятельная позиция, а как публичное подтверждение лояльности главе государства, и Александр Лукашенко выступает гарантом охранения этих «традиционных ценностей». Причем ценности не обсуждаются, не определяются и не проблематизируются – вместо этого они подаются как самоочевидная норма, не требующая аргументации. Это пример нормативного, охранительного дискурса, где государство выступает в роли защитника морали и традиций.

Образ «врага»

Правозащитницы описывают антигендерную риторику как инструмент создания искусственного врага при отсутствии позитивной национальной идеи или проекта будущего:

«Просто нужно создать врага, вот этот враг создан. Конечно, люди объединяются вокруг врага, потому что другой позитивной повестки нет. То есть нет повестки, что мы ведем Беларусь в какое-то будущее, кроме каких-то деклараций. Национальной идеи нет ярко выраженной. Национальная идея – это бороться с врагами. Естественно, ЛГБТ – это такие очень понятные враги, иммигранты – понятные враги. То есть все люди, которые отличаются от беларусов. По разным признакам они враги, поэтому вокруг этого объединяется общество. Не вокруг позитивной идеи, а вокруг такой борьбы с врагами».

Анонимная правозащитница, Беларусь

Этот нарратив служит аффективному сплочению общества

⁷⁰ Sputnik Беларусь. (2023, 4 апреля). Гайдукевич об ЛГБТ: Я увидел четкую позицию главы государства. <https://sputnik.by/20230404/gaydukevich-ob-lgbt-ya-uvidel-chetkuyu-pozitsiyu-glavy-gosudarstva-1073983214.html>

вокруг угрозы и работает на создание моральных паник. В качестве примера подобного нарратива можно привести комментарий Андрея Муковозчика по поводу первого однополого брака, зарегистрированного в Литве:

«Скорее в гомельский гроб лягу и буду там лежать, пока Господь вновь не обрушит свой праведный гнев на Содом и на Гоморру. На латвийского президента-содомита и на весь Виленский окружной суд вместе с мэром Вильнем – пропади они все пропадом. Ведь что такое отдел ЗАГС, девчонки? Это отдел записи актов гражданского состояния. А какое может быть гражданское состояние у тех, кто регистрируется однополой парой? Гомосек, или лимитроф, или имбецил? В любом случае, ушибленный на голову. Ну, а тогда ему не в ЗАГС нужно, а в больницу. Сначала лечиться, а потом все остальное. Ну, или сразу к нам в Гомель, в гроб. Полежать там. Убедиться, что педерастея лечится трудно. Ну, и не вставать вообще»⁷¹.

Этот пример радикализованной формы антигендерного дискурса представляет собой максимальную степень демонизации ЛГБТ+ людей. Муковозчик прибегает к приемам дегуманизации и патологизации ЛГБТ+ людей. Отсылки к Содому и Гоморре служат религиозным оправданием языка ненависти и призывов к насилию. ЛГБТ+ люди предстают здесь как враги общества и Бога, недостойные жизни и сострадания.

В целом образ врага или вражеской идеологии тесно переплетается с другими типами антигендерных нарративов. Например, в этой цитате Александра Лукашенко можно увидеть, что белорусское общество и государство оказываются объектом «вражеской атаки»:

«Нам навязывают заведомо деструктивные, разрушительные для общества и государства идеи вседозволенности, потребительства, бездетности, ЛГБТ и другие»⁷².

Защита детей

Отдельный устойчивый сюжет – апелляция к защите детей и демографической ситуации в стране. ЛГБТ+

71 СТБ. (2025, 15 сентября). «Неизлечимо больны» – Муковозчик прокомментировал первый однополый брак в Литве. <https://ctv.by/news/obshestvo/neizlechimo-bolny-mukovozchik-prokommentiroval-pervyj-odnopolnyj-brak-v-litve>

72 Reform.news. (2024, 14 марта). Лукашенко: дело церкви – задавать нравственные ориентиры, а не заниматься политикой <https://reform.news/lukashenko-delo-cerkvi-zadavat-nravstvennye-orientiry-a-ne-zanimatsja-politikoj>

люди и идеи ЛГБТ+ прав или гендерного равенства изображаются как опасные для будущих поколений:

«Смотрите, мы нашли врага, который испортит наших детей, помогите государству. В этом смысле, конечно, государство пытается мобилизовать граждан, чтобы оно вокруг него объединилось».

Анонимная правозащитница, Беларусь

При этом правозащитницы подчеркивают, что такие темы, как борьба с чайлдфри или «пропагандой бездетности», не имели реального социального основания в Беларуси, но были сознательно сконструированы:

«Проблема бездетности или чайлдфри – она абсолютно надуманная, потому что никогда в Беларуси у нас не было групп, которые адвокатировали бы за это».

Анонимная правозащитница, Беларусь

В этой цитате Григория Азаренка дети и их сознание изображены как поле битвы в якобы идущей информационной войне:

«В эпоху, когда западная цивилизация трещит по швам, дети становятся первой мишенью. Их неокрепшие умы превращают в оружие информационной войны, формируя целые поколения нравственных калек с автоматом ненависти в руках».

Далее он пишет:

«В США и ЕС детский контент превращается в инструмент идеологической обработки. Disney увеличивает долю ЛГБТ-персонажей до 50% и запрещает использовать гендерные обращения: теперь там не “мальчики и девочки”, а “мечтатели и друзья”»⁷³.

Азаренок противопоставляет методы воспитания в Беларуси и в западных странах, демонстрируя, что Беларусь выступает как пространство «нормального» и морально правильного воспитания, в то время как Запад конструируется как источник сознательного и агрессивного искажения детского сознания и гендерных норм.

Угроза с Запада и идеологическое противостояние

Антигендерная риторика встраивается в более широкий

73 Азарёнок. СТВ. Беларусь. (2025, 31 августа). Битва за будущее: воспитание любовью или ненавистью? <https://t.me/AzarenokSTV>

геополитический нарратив о противостоянии Западу. ЛГБТ+ права описываются как чуждая, навязанная идеология:

«ЛГБТ в официальной риторике подается как угроза и как некая “западная идеология”, как инструмент снижения рождаемости. Все это встраивается в общий идеологический нарратив о якобы массовой атаке Запада на традиционные ценности, которой государство должно противостоять».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

Этот нарратив служит оправданием репрессивных мер и легитимизирует отказ от международных обязательств:

«Они же выходят из конвенций вместе, Россия и Беларусь. То есть они продвигают эту картинку: мы против двуполярного мира, давайте делать его многополярным. И это под шапкой борьбы, псевдо-борьбы с колониализмом. “Не лезьте в наши дела, и мы не будем лезть якобы в ваши”».

Анонимная правозащитница, Беларусь

Важно отметить, что антигендерный дискурс маскируется под антиколониальный.

Григорий Азаренок пишет в своем телеграм-канале:

«Западная цивилизация не просто в кризисе. Она в агонии. Традиционные ценности заменяют на искусственные стандарты, размывая само понятие семьи, пола, национальной идентичности»⁷⁴.

Здесь автор изображает Запад как цивилизационно несостоятельный, находящийся в экзистенциальном кризисе и упадке. Подразумевается дихотомия «искусственных стандартов» Запада против «естественного порядка» и «традиционных ценностей», которые защищает Беларусь (и Россия).

В телеграм-канале «Белорусского Союза женщин» опубликован пост по следующим заголовком: «Все больше жителей Евросоюза, уставших от того, что происходит в их странах, хотят переехать в Беларусь и Россию»⁷⁵. Этот нарратив повторяет российский, транслируемый в российских провластных медиа⁷⁶: Россия и Беларусь – это последний бастион для тех, кто поддерживает

74 Азарёнок. СТВ. Беларусь. (2025, 31 августа). Битва за будущее: воспитание любовью или ненавистью? <https://t.me/AzarenokCTV>

75 Белорусский союз женщин. (2023, 30 сентября). Все больше жителей Евросоюза, уставших от того, что происходит в их странах, хотят переехать в Беларусь и Россию. <https://t.me/oobsqby/32126>

76 АСС. (2025, 19 августа). «Мне нравится направление, в котором движется Россия». Зачем иностранцы едут в нашу страну. <https://tass.ru/obschestvo/24818585>

«традиционные ценности», в то время как ЕС якобы разрушает семью, продвигает «извращенную мораль». Пост усиливает антизападный троп, представляя миграцию из Европы в Россию и Беларусь как «возвращение к гармонии» и спасение от «ЛГБТ-повестки»:

«Мне, как председателю БСЖ, пришло письмо от литовской семьи. Четверо детей, младшему ребенку девять месяцев. Женщина пишет: “Мы просто устали от всего того, что у нас тут происходит. Я не могу своих детей отправлять в школу, где сплошная ЛГБТ повестка. Мы собрали вещи, продали дом и переехали в Беларусь”».

Личная история семьи служит эмпирическим доказательством упадка Запада: люди, несогласные с инклюзивной политикой европейских стран, вынуждены покидать свой дом и бежать.

Лояльность России

Правозащитницы подчеркивают, что анти-ЛГБТ риторика в Беларуси тесно связана с ориентацией на Россию и ожиданиями провластного электората:

«Как правило, люди, которые поддерживают Лукашенко, одновременно поддерживают и российский политический режим. В этом идеологическом векторе он старается не отставать и действует в схожей логике».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

Антигендерная политика становится способом продемонстрировать идеологическую синхронизацию с Россией и укрепить позиции режима:

«Для режима Лукашенко продвижение государственной политики и демонстрация своей анти-ЛГБТ позиции – безусловно важны. Это часть публичного курса на так называемую защиту традиционных ценностей. Именно этим во многом объясняется принятие таких решений и мер – как способ продемонстрировать идеологическую приверженность и политическую лояльность восточному соседу».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

Так, Наталья Кочанова, говоря о сотрудничестве России и Беларуси, подчеркнула важность совместной защиты традиционных ценностей:

«Самое главное – это люди, с нормальными своими традиционными ценностями – и в России, и в Беларуси, испокон веков»⁷⁷.

77 Позірк. (2024, 22 июля). Кочанова назвала представителей ЛГБТ людьми с отклонениями. <https://pozirk.online/ru/news/96944/>

Иначе говоря, она указала на то, что Россия и Беларусь – это единое моральное пространство. Это не просто констатация сходства двух стран, а утверждение общей цивилизационной позиции в предполагаемом идеологическом противостоянии с Западом.

В интерпретации правозащитни_ц антигендерные нарративы в Беларуси не являются реакцией на реальные социальные процессы. Они представляют собой инструмент идеологической мобилизации, легитимизации репрессий и консолидации авторитарного режима, встроенный в более широкий дискурс «традиционных ценностей», внешней угрозы и борьбы с «врагами». Разграничение нарративов на типы здесь очень условно: можно увидеть, как разные темы (защита детей, традиционные ценности, антизападная риторика) оказываются очень тесно переплетены.

2. Грузия

Антизападный и антиевропейский нарратив

Антигендерная риторика в Грузии тесно переплетена с антиевропейским дискурсом, где европейская интеграция представляется как угроза культурной, национальной и гендерной идентичности. ЕС изображается не как источник экономической безопасности и развития, а как носитель «разрушительных ценностей»:

«Интеграция в Европейский Союз всегда рассматривались этими группами как негативный аспект. Часто говорилось о том, что ЕС, например, заставляет Грузию легализовать однополые браки. И в некотором роде основной архитектурой этой антигендерной риторики в Грузии было формирование нарратива культурного протекционизма против западного либерализма».

Анонимная правозащитница, Грузия

В качестве примера антиевропейского нарратива можно рассмотреть призыв «Единой нейтральной Грузии» к проведению плебисцита о вступлении страны в Евросоюз:

«Настойчивая риторика правительства о том, что оно обеспечит подготовку Грузии к вступлению в Европейский Союз к 2030 году, неприемлема и уже представляет опасность. Мы задаем простой вопрос: хочет ли грузинская общественность вообще вступать в ассоциацию, где основным требованием является легализация однополых браков, продвижение ЛГБТ-пропаганды, уступка суверенитета и стирание грузинской идентичности?»⁷⁸.

78 Netgazeti. (2025, 13 августа). „ნეიტრალური საქართველო“ EU-ში გაწევრიანების საწინააღმდეგოდ პლემბისციტის ჩატარებას ითხოვს. <https://netgazeti.ge/news/782631/>

С точки зрения дискурсивного анализа, данное высказывание демонстрирует, как антигендерный нарратив в Грузии редуцирует европейскую интеграцию к ЛГБТ+ тематике, связывает права человека с утратой суверенитета, конструирует национальную идентичность как уязвимую и нуждающуюся в защите, а также переводит политический выбор в плоскость экзистенциального страха.

ЛГБТ как угроза национальной идентичности

ЛГБТ+ сообщество в антигендерном дискурсе Грузии конструируется как угроза выживанию и сохранению нации. Здесь же можно сказать о «традиционных ценностях» как важном элементе грузинского антигендерного нарратива. Под этими ценностями, как полагают правозащитницы, грузинские акторы антигендерного движения понимают в первую очередь семью.

Темы, которые никогда не были приоритетом для грузинского ЛГБТ+ движения, используются для создания моральной паники. Так, однополые браки становятся гиперболлизированным образом «национальной катастрофы»:

«Настанет время, когда грузинские мужчины будут жениться на грузинских мужчинах, и это будет катастрофой. Это противоречит нашим традиционным ценностям».

Анонимная правозащитница, Грузия

Правозащитница подчеркивает разрыв между реальными требованиями сообщества и тем, как они представлены в публичном дискурсе:

«Местное сообщество никогда не требовало легализации однополых браков... Основными проблемами были доступ к образованию, доступ к здравоохранению».

В нарративах грузинских политиков можно увидеть, как уравнивается признание ЛГБТ+ прав и стирание идентичности (причем как грузинской, так и европейской). Например, Ираклий Кобахидзе высказывался:

«Европа полностью потеряла свою идентичность. Статистика вызывает беспокойство: в Евросоюзе среди молодого поколения число однополых браков уже превысило 20%. Это результат пропаганды. Мы защищаем грузинское общество от этой пропаганды. Риски серьезны»⁷⁹.

79 Эхо Кавказа. (2025, 4 августа). Назад в горы и без однополых браков. <https://www.ekhokavkaza.com/a/nazad-v-gory-i-bez-odnopolyh-brakov/33494232.html>

В этом нарративе ЛГБТ+ права не рассматриваются как элемент прав человека или гражданского равенства, а интерпретируются как инструмент идеологической «пропаганды», ведущей к деградации и исчезновению культурной идентичности. Таким образом, антигендерный нарратив строится не только на противопоставлении Грузии и Запада, но и на более сложной конструкции, где ЛГБТ+ права становятся маркером утраты идентичности вообще.

Защита семьи и детей

Центральными элементами антигендерной идеологии являются семья и дети, якобы находящиеся под угрозой со стороны ЛГБТ+:

«И это также основная идея всего этого семейного закона о защите семейных ценностей и несовершеннолетних. Закон представляет ЛГБТ-сообщество как угрозу для семей и детей».

Анонимная правозащитница, Грузия

Правозащитницы описывают, как логика «защиты детей» используется для цензуры образования, искусства, медиа и даже прямого общения:

«Информация, касающаяся сексуального и гендерного разнообразия... запрещена в СМИ, в искусстве, в рекламе... Даже прямое общение... с несовершеннолетними не допускается».

Анонимная правозащитница, Грузия

Эка Церетели подчеркивает, как правящая партия «Грузинская мечта» адаптирует американские антигендерные и трансфобные нарративы, особенно связанные со страхом за детей:

«Якобы они хотели, чтобы наши дети сменили пол в раннем возрасте. Это было в значительной степени скопировано из США. И одна из главных тем «Грузинской мечты» в прошлом году была... Ну, это было очень трансфобно. Что они заставили наших мужчин менять пол и рожать детей, что-то в этом роде. Сейчас «Грузинская мечта» очень сильно тяготеет к этим темам, копируя <американские> нарративы».

Правозащитница точно отмечает копирование: грузинские нарративы о «принуждении мужчин менять пол и рожать детей» зеркалят американские страхи о «мужчинах в женском спорте» или «пропаганде в школах». Это свидетельствует о процессах трансфера идей от Трампа и американских правых в Грузии и регион Восточной Европы и Центральной Азии в целом.

Так, в словах Шалвы Папуашвили о западной «ЛГБТ-идеологии» видно стремление оградить от нее в первую очередь детей, школьников и студентов:

«Брюссель нам говорит, чтобы мы следовали ложной идеологии и сказали, что мужчина может стать женщиной – на самом деле об этом речь, а наш закон говорит, что мужчина не может стать женщиной, женщина не станет мужчиной. Что ложной идеологией нельзя промывать мозги в детсадах, школах и университетах и так далее. Это то же самое, если Брюссель потребовал бы от нас признать, что Земля плоская»⁸⁰.

Этот фрагмент конструирует ЛГБТ-тематику как прямую угрозу подрастающему поколению, подчеркивая необходимость защиты детей от «промывания мозгов» в образовательных учреждениях. Сравнение с «плоской Землей» усиливает риторику абсурда, позиционируя гендерные права не просто как ошибку, но как антинаучный догматизм. Таким образом, защита детей становится центральным мотивом антигендерного дискурса, где образовательная сфера предстает ареной идеологической борьбы.

В целом антигендерные нарративы в Грузии формируют целостную идеологическую рамку, в которой ЛГБТ+ права последовательно конструируются как экзистенциальная угроза – национальной идентичности, суверенитету, семье и будущему страны. Европейская интеграция в этом дискурсе редуцируется к «гендерной повестке» и представляется не как источник безопасности и развития, а как навязывание чуждых ценностей и утрата самости. ЛГБТ+ сообщество символически используется как универсальный «враг», через который артикулируются более широкие страхи – перед Западом, социальными изменениями и политической нестабильностью. Центральное место занимает риторика защиты семьи и детей, легитимирующая цензуру, ограничительные законы и репрессивную политику, при этом реальные запросы ЛГБТ+ сообщества намеренно искажаются или игнорируются. В результате антигендерный дискурс в Грузии выступает не маргинальным явлением, а важным инструментом политической мобилизации и легитимации текущего политического курса.

80 Эхо Кавказа. (2025, 17 июля). Грузинская мечта поспорила об экзистенциальном. <https://www.ekhokavkaza.com/a/gruzinskaya-mechta-posporila-ob-ekzistentsialnom/33476930.html>

1. Казахстан

Защита детей

Один из центральных сюжетов антигендерного дискурса в Казахстане – апелляция к защите детей и демографической безопасности. Правозащитники подчеркивают, что этот нарратив строится прежде всего на эмоциональном воздействии, а не на рациональной аргументации. Антигендерные акторы сознательно эксплуатируют родительские страхи, используя угрозу детям для «отключения критического мышления»:

«Очень много криков, связанных с эмоциями, о том, что что-то случится с вашими детьми, и у людей как будто бы отключается в этот момент критическое мышление, потому что есть эти природные инстинкты защиты своих детей».

Анонимный правозащитник, Казахстан

В более обобщенном виде этот страх артикулируется как угроза деторождению и «вымиранию», где гендерное равенство, ЛГБТ+ права и феминизм представляются факторами демографического кризиса:

«По большей части это про угрозу рождаемости».

Анонимный правозащитник, Казахстан

Таким образом, антигендерный нарратив конструирует моральную панику вокруг будущего нации, сводя сложные социальные процессы к бинарной логике «традиционная семья = выживание», «ЛГБТ+ и гендерные права = угроза детям и будущему».

В телеграм-канале «Казахстанского союза родителей» можно найти пост в поддержку закона о запрете ЛГБТ-пропаганды со следующими словами:

«Недопустимо закрывать глаза на бесконтрольное распространение информации, способной нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию подрастающего поколения»⁸¹.

Текст воспроизводит зафиксированный правозащитниками сюжет угрозы несовершеннолетним, который используется как главный инструмент легитимации антигендерных и анти-ЛГБТ-инициатив. Здесь задействована эмоциональная мобилизация через страх за детей, при которой любые

81 Канал РОО «Казахстанский Союз Родителей». (2024, 31 июля). Завтра - публичное обсуждение петиции против пропаганды ЛГБТ. https://t.me/Qaz_ata_analar_odagy/2800

альтернативные позиции автоматически выводятся за рамки допустимого. Важно, что «вред» в тексте не конкретизируется: он существует как абстрактная угроза.

«Традиционные ценности»

Правозащитницы отмечают, что, несмотря на то что риторика «традиционных ценностей» активно используется антигендерными акторами в Казахстане, они практически не дают позитивного определения для этого понятия. Вместо этого они описывают их через отрицание прав человека, ЛГБТ+ прав и феминистской повестки:

«Мне кажется, они даже особо не говорят, что такое “традиционные ценности”. Они просто топят за них. Они больше дают определение как раз тому, что не соответствует традиционным ценностям. То есть они больше цитируют как раз, Стамбульскую конвенцию, международные договоренности. Они больше цитируют и говорят, что они не согласны с этим совсем и они против всего этого».

Рахат Садыков, независимый активист, Казахстан

Казахстанские правозащитницы особенно подчеркивают, что в казахском контексте концепция «традиционных ценностей» полностью оторвана от реальной истории Казахстана, существовавших традиций и колониального прошлого. Активистки указывают, что подлинная «традиционность» в кочевом контексте означала бы отказ от оседлого государства, индустриальной экономики и колониального наследия:

«Когда вы хотите вернуть традиционные ценности казахскому обществу, вы должны помнить, что казахи были кочевниками. ... И мы потеряли наш традиционный образ жизни. Кроме того, наша история XX века – это геноцид казахов. Наша земля была отнята, и на территорию Казахстана было выслано много людей из других мест, политических заключенных. И все это смешанное население было выслано насильно. ...Так что, если мы хотим вернуть наши традиции, значит ли это, что мы должны избавиться от всех этих городов? Потому что все эти города были построены колонизаторами, которые изгнали нас с этой земли, а затем построили свои дома».

Гульзада Сержан, Феминита, Казахстан

В этом смысле «традиционные ценности» рассматриваются как манипулятивный инструмент для демонтажа прав человека:

«Это ваша традиционная ценность? О какой исторической части вы говорите? Вы должны быть ясны, когда говорите о традиционных ценностях, пожалуйста, определите, какую историческую часть вы представляете мне как традицию. Например, если вы говорите о каком-то историческом периоде, то о каком именно? Традиции XV века, XVII века, XX века или современные? О каких традициях вы говорите? Так что все это чушь, все это манипуляции, чтобы избавиться от прав человека».

Гульзада Сержан, Феминита, Казахстан

В телеграм-канале «Казахстанского союза родителей» можно найти следующее высказывание о «традиционных ценностях»:

«В обществе Казахстана фундаментальными считаются традиционная семья, целомудрие, уважение к роли матери и отца, союз мужчины и женщины. Закон лишь зафиксировал эту позицию, чтобы дети не подвергались давлению информационных трендов, которые могут исказить их представления о норме»⁸².

Текст начинается с утверждения о якобы существующем общественном консенсусе. Причем это высказывание никак не подтверждается эмпирически, подается как самоочевидный факт. Такой прием типичен для антигендерного дискурса: «традиционные ценности» преподносятся не как предмет спора или исторически изменчивая категория, а как нечто изначально данное и единое для всего общества. При этом полностью игнорируется разнородный характер казахстанского общества, о котором говорили правозащитницы. «Общество» в тексте оказывается однородным и лишенным внутренних различий.

Запад в антигендерных нарративах Казахстана

В отличие от Беларуси, Грузии и России, в Казахстане, как утверждают правозащитницы, власти не транслируют ярко выраженную антизападную позицию. Государство сохраняет прагматичную многовекторную внешнюю политику и избегает открытого конструирования образа «внешнего врага»: «Я не вижу <антизападной риторики>.

Здесь больше про добрососедство и получение экономических выгод, развитие инвестиций. Антизападная риторика может звучать от отдельных лиц, в социальных сетях. Депутаты могут говорить

82 Канал РОО «Казахстанский Союз Родителей». (2025, 21 декабря). Важно понимать: граница проходит по отношению к детям. https://t.me/Qaz_ata_analar_odagy/3778

о каком-то деструктивном внешнем иностранном финансировании, но они не говорят о том, что конкретно западные страны хотят навредить нашей стране».

Анонимный правозащитник, Казахстан

Важным элементом антигендерного дискурса становится символическая опора на фигуру Дональда Трампа, его риторику и политику как «доказательство», что даже США якобы «осознали ошибочность» либеральной повестки:

«Это постоянные цитирования, это вот сообщение о том, что вот видите, даже Америка осознала, что даже Америка поняла, где истина, дескать. Вот эти постоянные похвалы в сторону Трампа, не только со стороны антигендерного движения, даже со стороны депутатов нашего Мажилиса, нижней палаты Парламента. Было такое громкое заявление депутата Едила Жанбыршина. Это, наверное, сейчас самое известное».

Рахат Садыков, независимый активист, Казахстан

Таким образом, казахстанские антигендерные нарративы содержат в себе фрагментированные заимствования не только из российского, но и из американского консервативного дискурса.

Депутат Едил Жанбыршин высказался следующим образом:

«47-й президент США Дональд Трамп закрепил то, что в их стране теперь только два пола. Только мужской и женский пол. Это в стране, которая во всем мире стремилась установить либеральные ценности, защищать права людей и устанавливать гражданское общество. <...> В связи с этим передаем привет от “Дяди Дональда” всем геям!»⁸³.

Депутат использует фигуру Трампа как символический авторитет, призванный легитимизировать антигендерную повестку внутри Казахстана. Его фигура служит «доказательством», что отказ от гендерного разнообразия — это не маргинальная позиция, а якобы новый глобальный тренд, идущий из самого центра либерального мира. Еще один прием — инверсия образа Запада: он здесь перестает быть промоутером прав человека и превращается в зеркало, в котором антигендерные акторы хотят увидеть подтверждение собственной позиции. Это позволяет снять с себя обвинения в архаичности или «отсталости», а правая риторика подается как новый глобальный тренд.

83 Vlast.kz. (2025, 22 января). Депутат Жанбыршин требует пересмотреть решение по петиции о запрете пропаганды ЛГБТ. <https://vlast.kz/novosti/63550-deputat-zanbyrsin-trebuat-peresmotret-resenie-po-peticii-o-zaprete-propagandy-lgbt.html>

Интересно, как «Казахстанский союз родителей» отреагировал на эти слова депутата. Поддержав слова Жанбыршина, автор поста добавляет:

«Наши чиновники так стремятся подражать западу, подхватят ли инициативу в этой теме?»⁸⁴.

Здесь видно двойственное отношение как к Западу, так и к правительству со стороны антигендерного движения. Таким образом, нельзя говорить о том, что позиции Родительского движения и Казахских властей полностью совпадают.

В целом антигендерные нарративы в Казахстане представляют собой гибридную конструкцию, сочетающую эмоциональную мобилизацию через страх за детей, размытые апелляции к «традиционным ценностям», заимствование российских и американских правых риторик и постепенную институционализацию на уровне законодательства. При этом они слабо укоренены в реальной казахской культурной истории и игнорируют колониальный контекст.

В заключение можно отметить, что антигендерные нарративы в Беларуси, Грузии и Казахстане демонстрируют существенные сходства на уровне базовых рамок и риторических приемов. Во всех трех странах ЛГБТ+ люди и гендерное равенство конструируются не как вопрос прав человека, а как экзистенциальная угроза семье, детям, демографии, национальному будущему. Центральным объединяющим мотивом выступает риторика «защиты детей», которая используется для эмоциональной мобилизации, легитимации цензуры и ограничительных мер, а также для выведения антигендерной политики за пределы рациональной дискуссии. Понятие «традиционных ценностей» во всех случаях подается как самоочевидное и универсальное, при этом оно почти никогда не получает позитивного и исторически обоснованного определения в каждом конкретном контексте, а конструируется через отрицание ЛГБТ+ прав, феминисткой повестки и либеральных норм. Таким образом, антигендерный дискурс во всех трех контекстах функционирует как инструмент моральной паники и политической мобилизации, а не как реакция на реальные социальные запросы или трансформации.

Одновременно между странами существуют принципиальные различия, связанные с политическим режимом, внешнеполитической ориентацией и степенью институционализации антигендерной

84 Канал РОО «Казахстанский Союз Родителей». (2025, 22 декабря). Депутат Жанбыршин снова поднял вопрос о запрете пропаганды ЛГБТ. https://t.me/Qaz_ata_analar_odagy/3181

повестки. В Беларуси антигендерные нарративы наиболее жестко встроены в авторитарную государственную идеологию, тесно переплетены с демонстрацией лояльности России и с открыто антизападным, псевдо-антиколониальным дискурсом. Здесь ЛГБТ+ люди последовательно используются как образ внутреннего и внешнего врага. В Грузии антигендерная риторика сосредоточена вокруг антиевропейского и антилиберального нарратива, где признание каких-либо ЛГБТ+ прав редуцируется до признака утраты суверенитета и национальной идентичности, а сама тема становится инструментом политической борьбы вокруг европейской интеграции. Казахский контекст, в свою очередь, отличается большей гибриднойностью: государство избегает прямой конфронтации с Западом, антигендерные нарративы формируются с помощью заимствований из российского и американского правового дискурса и не всегда полностью совпадают с официальной линией властей. В результате антигендерная повестка во всех трех странах выполняет сходные функции, но реализуется через разные идеологические конфигурации, отражающие специфику каждого политического контекста.

Сравнительная характеристика антигендерных нарративов

Тип нарратива	Беларусь	Грузия	Казахстан
Защита детей	Центральный мотив; дети как «мишень информационной войны»; легитимация цензуры и репрессий.	Центральный элемент; запрет «пропаганды» в образовании, медиа; защита несовершеннолетних как основание закона.	Один из главных сюжетов; эмоциональная мобилизация через страх за детей; легитимация запрета «пропаганды».
Демографическая угроза / вымирание	Связь ЛГБТ+ с бездетностью и «разрушением семьи».	Имплицитно через «национальную катастрофу» и исчезновение идентичности.	Прямая артикуляция угрозы рождаемости и «вымирания».
«Традиционные ценности» как самоочевидная норма	Государственная миссия – защита «традиционных ценностей»; президент выступает гарантом их защиты; подаются как данность; связаны с семьей.	Связаны прежде всего с семьей и национальной идентичностью.	Риторика активно используется, но без четкого определения; критикуется правозащитниками как исторически несостоятельная и колониальная.
Образ внутреннего врага	Ярко выражен; ЛГБТ+ как удобный и понятный враг.	Используется как символ «разложения» и утраты идентичности.	Присутствует, но менее операционализирован.
Антизападный нарратив пространства	Сильный, системный; Запад как источник «деструктивной идеологии».	Нарративы против евроинтеграции; ЕС как угроза идентичности.	Государственный уровень – слабый; отдельные акторы используют антизападные мотивы.

Тип нарратива	Беларусь	Грузия	Казахстан
Лояльность России / ориентация на Россию	Встроена в государственную идеологию; демонстрация синхронизации правовых норм.	Косвенно (через антилиберальный дискурс), но не центрально.	Заимствования из российского дискурса, но без официальной полной синхронизации.
Заимствование американского правового дискурса	Косвенно через общий консервативный тренд.	Прямое копирование трансфобных нарративов и нарративов о защите детей.	Прямая апелляция к Дональду Трампу как символическому авторитету (со стороны отдельных депутатов).
ЛГБТ+ как «западная идеология»	Да, системно.	Да, в связке с ЕС.	Частично, но без официальной государственной линии.
Связь с авторитарной консолидацией режима	Прямая и системная.	Связана с политической борьбой и мобилизацией вокруг партии власти.	Частично; анти-гендерная повестка не полностью совпадает с государственной линией.

Влияние России

В Беларуси влияние России на антигендерную государственную политику и циркулирующие нарративы описывается правозащитницами как прямое, системное и практически тотальное. Оно проявляется и на уровне идеологии, и на уровне конкретных правовых и административных практик.

Алиса Сармант резюмирует:

«Влияние очень сильное: традиционалистская повестка, которую продвигает Россия, напрямую определяет решения и риторику белорусских властей в отношении ЛГБТ-людей».

Другая правозащитница анонимно отмечает:

«Это прямое влияние, прямое, целенаправленное, для того чтобы Беларусь была под влиянием России во всех отношениях».

Антигендерная риторика и политика в Беларуси воспроизводит российские шаблоны почти дословно:

«Копирование здесь очевидно. Если говорить их языком, про “педофилию”, “бездетность” и другие обвинительные штампы – это прямая калька с российских нарративов. Законодательные инициативы, штрафы, преследования – все строится по тем же лекалам и выглядит очень похоже. Та же логика применяется и в отношении транс-перехода».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

Даже при формальном сохранении гендерно-аффирмативной процедуры, как замечают правозащитницы, на практике она становится труднодоступной, как раз одновременно с запретом трансперехода в России.

Отдельно подчеркивается роль российского медиавлияния:

«Это одна из немногих стран бывшего Советского Союза или Восточного партнерства, где у нас так много российских каналов. В Молдове вы уже

не найдете так много российских каналов. Они просто запрещены или под подпиской. Сейчас так точно запрещены. В Украине то же самое. Есть ограничения. У нас просто 80% или 70% белорусских государственных и коммерческих полугосударственных телевизионных каналов – это российские продукты. Развлекательные, исторические, любые. То есть очень мало национальных продуктов, очень много российских».

Анонимная правозащитница, Беларусь

Антигендерная повестка, которая заимствуется из России, вписана в более широкий формат зависимости Беларуси от России:

«Так что российское влияние <на антигендерные настроения> в целом, оно большое, но идет в таком пакете. Просто как политическое влияние на Беларусь».

Анонимная правозащитница, Беларусь

На вопрос о том, появились бы гомофобные законодательные инициативы в Беларуси, если бы их не было в России, правозащитницы склонны отвечать отрицательно:

«Если бы в России не принимались эти законы, то в принципе в Беларуси возможно этого не было бы».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

Алиса Сармант связывает это с тесным сотрудничеством Беларуси и России и унификацией законодательства «в рамках дорожных карт». Другая правозащитница обращает внимание на взаимное влияние России и Беларуси, хотя отмечает, что хронологически антигендерное законодательство появилось в России раньше:

«Я не могу оценить эту степень, но то, что это началось в России раньше, чем в Беларуси, и скорее всего пришло туда, это точно. Но, знаете, было такое двустороннее движение, какие-то штуки тестировались в Беларуси, а потом перенимались в Россию».

Анонимная правозащитница, Беларусь

Таким образом, можно говорить о взаимовлиянии России и Беларуси.

В Грузии российское влияние описывается как менее прямое, однако очень активное. Эка Церетели называет его «очень явным». В том числе оно проявлялось ранее через телевизионное вещание российских каналов, создание пророссийских партий. Однако, как отмечают правозащитницы, пророссийские партии никогда не были популярны среди избирателей.

Ключевым моментом, по мнению грузинских правозащитни_ц, стало открытое заимствование репрессивного законодательства:

«Они начали вводить репрессивные законы. Первым был так называемый “российский закон”, касающийся иностранных агентов, который был практически полностью скопирован у России. Ну, они скопировали все репрессивные законы, которые были введены в России за 10 или 12 лет. Но это было сделано в ускоренном темпе за полтора года. Так что у нас есть почти все эти законы, за исключением последних поправок об экстремизме. Но я думаю, что они скоро появятся».

Российское влияние в том числе на антигендерные настроения рассматривается правозащитни_цами как часть гибридной войны.

В Казахстане влияние России проявляется через заимствование идей и нарративов, организационные связи антигендерных активистов и информационные кампании.

Истоки «семейных или традиционных ценностей» правозащитни_цы напрямую возводят к российской политике:

«История семейных ценностей началась в России в 2012 году. Они начали лишать людей всех этих прав, в 2013 году ввели закон о запрете пропаганды ЛГБТ, а затем начали бороться с правами женщин и, в противовес гендерному равенству, выдвинули традиционные ценности, традиционные семейные ценности. Так это дошло и до Казахстана. А в Казахстане люди не понимали, что происходит. Семейные ценности звучат хорошо, но почему они противоречат гендерному равенству? Анализа было немного, только немногие понимают, что происходит».

Гульзада Сержан, Феминита, Казахстан

Концепция «традиционных ценностей» была перенесена в Казахстан практически без критического осмысления.

Особое внимание правозащитни_цы уделяют дезинформационным кампаниям, которые опознаются как российские по языку, стилю и отсылкам к российскому праву:

«Эта российская служба распространяет фейковые новости. Почему мы называем их российскими? Потому что их стиль письма не соответствует казахскому русскому языку... Кроме того, они ссылаются на российское законодательство. Они пишут о ЛГБТ-активистах и т. д., а затем делают вывод, что ЛГБТ-движение признано экстремистским в Российской Федерации. Вы пишете о гражданах Казахстана. О чем вы, черт возьми, говорите?».

Гульзада Сержан, Феминита, Казахстан

Правозащитницы говорят и о вероятных структурных связях антигендерных организаций с Россией, упоминая возможную координацию через силовые структуры и «обмен методами». Прямые связи подтверждаются через контакты «Казахстанского союза родителей» с российскими организациями и активистами, включая совместные мероприятия и публичные благодарности. Так, среди российских антигендерных активисток, которые часто выступают на казахстанских антигендерных мероприятиях, называлась Анастасия Машкова-Благих.

В ответах на вопрос о том, появилось бы гомофобное законодательство в Казахстане, если бы его не было в России, мнения разделились. Например, Рахат Садыков ответил однозначно:

«Я думаю, что это движение идет на создание такого общего поля политического. И вот это желание со стороны президента России вернуть СССР, вот таким образом это делается сейчас через УДКБ. Я думаю, что есть определенные договоренности о том, что необходимо как бы это все продвигать, потому что такие политические интересы».

Жанар Секербаева ответила на тот же вопрос менее однозначно:

«Я думаю, что они, вероятно, обсуждали бы этот вопрос и, скорее всего, пришли бы к какому-то близкому решению, поскольку тенденция к правому повороту в мире показывает нам, что администрация Трампа также имеет большое влияние. И, вероятно, они бы говорили об этом, но не в очень срочном порядке».

Здесь отмечается важность влияния не только со стороны России, но и со стороны трамповской администрации. Однако именно под влиянием России, как оценивает ситуацию правозащитница, процесс обсуждения и принятия закона о запрете ЛГБТ-пропаганды стал таким стремительным.

Общим для всех трех стран является восприятие России как ключевого источника антигендерной повестки, будь то через прямое копирование законов, заимствование риторики «традиционных ценностей», организационные связи или информационные кампании. Во всех трех случаях подчеркивается, что Россия выступает не просто примером, а активным экспортером норм и практик, отмечается влияние российских СМИ и телевидения, доступных на территориях всех трех стран.

Различия заключаются в степени и форме этого влияния. В Беларуси оно описывается как почти полная зависимость и унификация «во всех отношениях». В Грузии – как гибридное давление, сталкивающееся с общественным сопротивлением и потому вынужденное маскироваться. В Казахстане – как сочетание идеологического импорта, вероятных транснациональных связей между антигендерными активистками и внутреннего политического расчета, где российская модель используется властью избирательно, но системно.

Сравнительная характеристика влияния России на антигендерные процессы в трех странах

Параметр	Беларусь	Грузия	Казахстан
Общая оценка степени влияния России	Очень высокая; описывается как прямая, системная и практически тотальная зависимость.	Заметное и «очень явное», но менее прямое.	Значительное, но более опосредованное и гибридное.
Характер влияния на антигендерные процессы	Прямое и целенаправленное; встроено в общий формат политической зависимости.	Гибридное влияние через заимствованные законы, партии и информационные инструменты.	Идеологический импорт, организационные связи антигендерных активистов Казахстана и России и российские информационные кампании.
Заимствование риторики	Почти дословная калька российских нарративов.	Заимствование антигендерных нарративов под видом грузинских «традиционных ценностей».	Перенос концепции «традиционных» или «семейных» ценностей из российского контекста без глубокого осмысления.
Заимствование законодательства	Гомофобные инициативы появляются вслед за российскими; вероятно, без российских законов могли бы не возникнуть.	Заимствование многих российских репрессивных законов в ускоренном режиме.	Законодательные инициативы частично заимствуются.

Параметр	Беларусь	Грузия	Казахстан
Роль медиа и информационного пространства	До 70–80% телевизионного контента – российские продукты; значительное влияние российских телеканалов.	Влияние российского телевидения, а также через соцсети.	Серьезное влияние российских телеканалов. Дезинформационные кампании об активистах на русском языке.
Организационные связи	Влияние встроено в межгосударственную интеграцию и унификацию.	Наличие пророссийских партий, однако электорально слабых.	Связи антигендерных организаций с российскими структурами; участие российских активистов в мероприятиях.
Ответ на вопрос: было бы гомофобное законодательство без России?	Скорее нет; высокая вероятность, что без российского примера не появилось бы.	Скорее нет в текущем виде; грузинский контекст отличается институционально.	Мнения разделились: часть считает, что нет; часть допускает влияние глобального правого поворота (включая США), но признает роль России, ускоряющую принятие закона.
Ключевая особенность влияния	Почти полная синхронизация и взаимная правовая унификация.	Гибридное влияние, сталкивающееся с общественным сопротивлением.	Комбинация российского влияния и многовекторного внешнеполитического балансирования.

Формы феминистского и квир-сопротивления. Эффективные стратегии и лучшие практики

Ответы правозащитни_ц из Беларуси, Грузии и Казахстана показывают, что сопротивление антигендерным движениям выстраивается как совокупность долгосрочных, взаимодействующих стратегий, ориентированных на выживание сообществ, снижение стигматизации и постепенное изменение общественных и институциональных контекстов.

В Беларуси ключевыми формами сопротивления становится работа с информационным пространством и коалиционность в условиях почти полностью закрытого публичного поля.

Правозащитни_цы отмечают принципиальную важность системного сотрудничества с независимыми и квир-медиа:

«Мы сотрудничаем с партнерскими организациями и медиа. Причем не только с квир-медиа, работаем и с независимыми изданиями, чтобы тема звучала шире. Нам важно, чтобы они больше писали и говорили о ЛГБТ+ в позитивном и человеческом ключе – по крайней мере те ресурсы, к которым у нас есть доступ. Чтобы рассказывали о том, что на самом деле происходит».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

Кроме того, Алиса Сармант выделяет в качестве стратегии противодействия антигендерным нарративам производство собственного контента и подчеркивает важность медиакампаний:

«Мы делаем максимум из того, что сейчас возможно противопоставить этой повестке. Формально мы не медиа, но по сути тоже выполняем медиа-функцию: выпускаем информационные ролики и образовательные материалы в своих соцсетях».

Эта стратегия направлена на противодействие монополии государственной пропаганды и работу с «колеблющейся прослойкой, как отметила другая правозащитница:

«В политической борьбе есть противники поддерживающие и вот это вот колеблющийся middle. <Нужно > работать с теми, кто сомневается, достигать их и рассказывать им, то есть продвигать свою повестку».

Анонимная правозащитница, Беларусь

Важной практикой солидарности и сопротивления становится международная адвокация через коалиционные и теневые отчеты:

«Чтобы иметь максимально полную картину происходящего, мы участвуем в коалициях и совместных правозащитных инициативах. Я также являюсь председателем Транс-коалиции – крупнейшей транс-коалиции в регионе ВЕЦА. В рамках деятельности TG House мы готовим информационные материалы и аналитические отчеты, в том числе на международном уровне. Подавали альтернативные отчеты в рамках процедуры Универсального периодического обзора ООН, выпускаем ежегодный мониторинг положения ЛГБТ-людей в Беларуси, встречаемся с докладчиками и экспертами ООН, а также с представителями Совета Европы и других европейских структур».

Алиса Сармант, TG House, Беларусь

Другая правозащитница отмечает:

«Организации между собой сотрудничают, договариваются, объединяются для адвокационной работы».

Анонимная правозащитница, Беларусь

Адвокационная работа позволяет фиксировать нарушения прав и информировать о них международное сообщество даже при отсутствии внутренних каналов влияния.

Серьезной проблемой белорусского общества одна из участниц исследования назвала поляризацию общества и сейфтизм:

«Мне кажется, где мы поддаемся, мы поддаемся вот этой поляризации. ...В итоге получается, что эти все группы,

они становятся такими изолированными. И тогда тем антигендерным силам, включая государство, очень легко их отследить, себе забрать и что-то с ними сделать. Я не думаю, что изоляция — это выход, потому что сначала вот как будто бы вот эти сейфы, безопасные пространства постепенно превращаются в гетто, мы сами себя изолируем».

Такая тактика не только ослабляет коллективное сопротивление, но и усиливает фрагментирование общества, позволяя доминирующим силам манипулировать нарративами о «врагах» и оправдывать репрессии.

Среди основных уроков правозащитного сообщества Беларуси участницы исследования назвали следующие:

- **Объединение усилий и солидаризация:** *«Чем шире коалиция, тем сильнее коллективный голос и тем больше возможностей говорить об этих проблемах публично и на разных уровнях».*
Алиса Сармант, TG House, Беларусь
- **Отказ от проектного планирования и финансирования:** *«Наша ситуация такова, что нам нужны часто ресурсы на очень быстрое реагирование. Что-то произошло, кто-то вывозит людей. Ты не можешь это запрограммировать за год в проекте. Это проблема всех доноров, что все дают какие-то денежки на ресурсы, на вот это проектное финансирование. Это очень неустойчиво. То есть оно делает нас неустойчивыми. Соответственно, мы не можем ничего предложить людям, ради которых мы работаем, чей интерес мы пытаемся защитить или информацию о нарушении чьих прав мы собираем. Это однозначная рекомендация, которая должна быть. ... И, наверное, это тоже создало такую культуру организаций, которые не понимают, как работать в долгую, как работать в стратегии, а работают от проекта до проекта. Это способствует выгоранию, неустойчиво, оно не способно делать трансформационные изменения. То есть вся механика проектного менеджмента, она совершенно не способствует устойчивости организаций».*
Анонимная правозащитница, Беларусь
- **Фиксация и анализ происходящего:** *«Надо все это фиксировать, потому что это очень важно для истории сохранять. Какие-то нарративы анализировать, если есть такая возможность, это важно. Потому что история повторяется на самом деле. И важно, чтобы новое поколение феминисток, активисток, они могли учиться, видели, что это уже было».*
Анонимная правозащитница, Беларусь
- **Рефлексия:** *«Очень много нужно рефлексии. Империализм просачивается через такие мелочи, даже через помощь просачивается империализм. И я понимаю, что саморефлексия — это суперважно».*
Наста Базар, правозащитница, Беларусь

- **Самосохранение и забота о себе:** *«Нужно сохранять себя, нужно сохранять доступ к нашим целевым группам, с кем мы работаем, чтобы понимать, что происходит с ними»; «Если мы хотим выжить в долгосрочную, передать эти знания, быть каким-то мостиком между разными поколениями, то надо... Как феминистки говорят, забота о себе – это политический акт. Надежда – это тоже политический акт. Надо это практиковать, чтобы выжить. Подождать этих светлых времен. Ну и, конечно, что-то делать, чтобы они пришли».*

Анонимная правозащитница, Беларусь

В Грузии правозащитни_цы отметили в качестве самых эффективных стратегий сопротивления солидаризацию, интерсекциональный подход, деполяризацию общества и отказ от изоляционистской политики идентичности.

Интерсекциональный подход, солидаризация и отказ от объединения вокруг какой-то одной идентичности являются частями одной комплексной стратегии. Как замечает Эка Церетели отмечает:

«Наши организации всегда стараются применять интерсекциональный феминистский подход. Это означает, что мы всегда считаем, что должны быть связи с другими движениями, безусловно. Изоляция, особенно сейчас, для любых движений, и в особенности для ЛГБТ+ движения, контрпродуктивна. И закрываться в политике идентичности тоже».

Иными словами, политическая борьба должна строиться на выстраивании коалиций, что позволяет усиливать солидарность между разными группами и наращивать ресурсы.

По мнению правозащитницы, важно находить общие пересечения с разнообразными группами:

«На мой взгляд, главное – это противостоять поляризации общества. Находить сходства и говорить об этом, потому что у всех нас разные идентичности. Мы не только ЛГБТ+, но мы также можем быть сельскими жителями, мы можем быть, я не знаю, бедными, христианами или атеистами и т. д. Поэтому стройте нарративы на сходствах идентичностей, а не на различиях».

Эка Церетели, Women's Initiatives Supporting Group, Грузия

Еще одной успешной стратегией Эка Церетели называет молчание в ответ на провокационную пропаганду со стороны правящей партии:

«Вместе с гражданским обществом и оппозиционными партиями мы разработали своего рода стратегию молчания, чтобы не вступать в дискуссию с правящей партией по поводу ЛГБТ-пропаганды, поэтому, когда они поднимали этот вопрос, мы вообще не отвечали. Ни мы, ни оппозиционные партии, и правящая партия не смогла извлечь какую-либо выгоду из этой пропаганды».

Кроме того, обе правозащитницы из Грузии говорили о важности системной образовательной работы (образовательные программы, тренинги, воркшопы), а также долгосрочной работы по выстраиванию солидарности.

Среди основных уроков правозащитного сообщества Грузии участницы исследования назвали следующие:

- **Продвижение проактивных стратегий вместо реактивных:** Не ждать, пока авторитарные тенденции дойдут до твоей страны, а заранее разрабатывать меры противодействия. *«Так почему же вы пассивно ждете катастрофы, вместо того чтобы разрабатывать упреждающие стратегии, предотвращающие ее? Но знаете, это такая зона комфорта».*
Эка Церетели, Women's Initiatives Supporting Group, Грузия
- **Критика поверхностной оценки демократизации:** *«Очень поверхностно измерять демократизацию упрощенным способом, например, только по количеству законов или законодательных актов и тому подобным показателям. И несправедливо, когда международные заинтересованные стороны считают, что мы находимся в лучшем положении, чем, например, Беларусь и Азербайджан, и должны быть довольны тем, что имеем».*
Эка Церетели, Women's Initiatives Supporting Group, Грузия
- **Анализ малых побед и подготовка к неудачам:** Изучать причины отступлений авторитарных сил (как в Грузии в 2023 году, когда закон об иноагентах не был принят), чтобы разрабатывать контрстратегии. *«Почему мы победили тогда? Мы должны были задать этот вопрос. Почему они отступили? Возможно, теперь они готовятся еще активнее, но никто не слушает. И вот они разрабатывают новую стратегию, а затем снова вводят этот закон. И в итоге побеждают».*
Эка Церетели, Women's Initiatives Supporting Group, Грузия
- **Мониторинг и анализ враждебных дискурсов:** Быть бдительными, анализировать враждебные нарративы заранее, чтобы предвидеть риски. Отслеживать переход нарративов в реальную политику, институты и законодательство, не упускать момент активного внедрения. *«Крайне важно анализировать враждебные дискурсы и улавливать моменты, когда эти дискурсы действительно воплощаются в жизнь и институционализируются в реальной политике, в реальных институтах и в реальном законодательстве».*
Анонимная правозащитница, Грузия

- **Международная адвокация.** Обращаться к международным механизмам прав человека, поскольку локальные больше не работают.
- **Мониторинг нарушений прав человека:** Документировать все случаи систематически и сохранять данные для дальнейшего использования.

Казахстанские правозащитни_цы предлагают комплекс стратегий сопротивления антигендерным и авторитарным тенденциям, сочетающий локальную мобилизацию, международную солидарность и долгосрочный оптимизм.

Ключевой стратегией, предлагаемой казахстанскими правозащитни_цами, становится проактивная повестка вместо реактивной обороны: не тратить ресурсы на отпор атакам, а продвигать свои темы, игнорируя провокации.

«Одна из стратегий, которая, по нашему мнению, может сработать, заключается в том, чтобы делать то, что вы считаете правильным, а не пытаться противодействовать только задним числом, просто отталкивая все, что бы ни делали они. Вместо этого мы решили делать то, на что у нас есть ресурсы. Поэтому, если мы хотим говорить о женщинах в политике, мы должны говорить о женщинах в политике. Так что просто не обращайтесь внимания на эти нападки. Если у вас есть для этого ресурсы и возможность, то я думаю, что это лучшая стратегия, чтобы противостоять всему этому».

Гульзада Сержан, Феминита, Казахстан

Эта стратегия дополняется развитием горизонтальных сетей ЛГБТ+ инициатив, которые трудно уничтожить целиком: точечные авторитарные репрессии поражают отдельных акторов, но другие продолжают работу.

«Мы создали так много ЛГБТ-инициатив, они настолько горизонтальны, что если убрать некоторых участников, другие останутся на месте. Поэтому если вы хотите убить, если вы хотите избавиться от всего этого движения, вам придется устроить геноцид».

Гульзада Сержан, Феминита, Казахстан

Правозащитни_цы из Казахстана говорят также о важности консолидации и солидаризации, в том числе о международной солидаризации и обмене опытом. Рахат Садыков говорит о росте солидаризации на фоне принятия закона об ЛГБТ-пропаганде:

«Я вижу эту консолидацию, это хорошая очень поддержка со стороны журналистов, которые, возможно, даже никогда не освещали какие-то острые темы, вроде ЛГБТ, просто журналисты, просто СМИ, экоактивисты».

Важной стратегией борьбы с антигендерным движением Жанар Секербаева назвала феминистский деколониальный подход:

«Я думаю, что мы действительно должны уделять больше внимания деколонизации, потому что США и Россия действительно представляют себя империями. Сегодняшний мир – это совокупность империй, и то, что мы видим сейчас, – это агония, агония патриархата».

И наконец важной стратегией является стратегия самосохранения:

«Время циклично, и всегда ситуация будет меняться. Вот тут вопрос в том, как сохранить безопасность сообщества на самом деле, чтобы люди смогли пережить этот момент. Вот тут вопрос мне кажется, какого-то поиска... альтернативных возможностей и ресурсов для организаций и инициатив. Сохранить себя, сохранить сообщество, сохранить безопасное пространство, насколько это возможно».

Анонимный правозащитник, Казахстан

Среди основных уроков правозащитного сообщества Казахстана участни_цы исследования назвали следующие:

- **Отказ от тактики «бегства»:** Прекратить полагаться на эмиграцию как на спасение, признав это колониальной логикой *«Тактику побега... нужно прекратить, потому что бежать некуда... любое место должно быть безопасным. И эта тактика бегства тоже носит колониальный характер. Это означает, что только некоторые места, некоторые правительства или некоторые страны заслуживают жить в процветании и демократии, а другие места – просто помойки».*

Гульзада Сержан, Феминита, Казахстан

- **Деколонизация мышления и универсальность прав человека:**

«Права человека должны быть универсальны... не стоит думать, что некоторые страны заслуживают прав человека больше, чем другие. Это колониальный подход».

Гульзада Сержан, Феминита, Казахстан

- **Минимизация взаимодействия с убежденными акторами антигендерного движения:** *«В первую очередь меньше взаимодействовать с антигендерным движением, потому что это люди, которые уже на 100% убеждены, и у них куча мифов относительно ЛГБТ+ людей. У нас есть 10%*

союзников, 10% антигендерного движения и 80% людей, которые, по сути, заняты совершенно другими мыслями и которые, в принципе, потенциально могут быть и в дальнейшем союзниками и союзницами квир-людей».

Анонимный правозащитник, Казахстан

- **Забота о себе:** *«заботиться о своем ментальном здоровье ... сначала нужно надеть на себя маску, а потом уже на ребенка или соседнего пассажира».*

Анонимный правозащитник, Казахстан

- **Обмен уникальным опытом сопротивления:** *Делиться центральноазиатскими практиками сопротивления с миром, приглашая к диалогу, несмотря на «невидимость» региона. «Я думаю, у нас есть очень хорошие методы сопротивления. Наши страны обычно не считаются, скажем так, западными странами, мы не считаемся слишком важными. Поэтому иногда нам кажется, что мы одиноки. Но я думаю, мы уже выработали очень хорошие методы сопротивления. Мы можем делиться ими».*

Жанар Секербаяева, Феминита, Казахстан

Во всех трех странах эффективное феминистское и квир-сопротивление мыслится не как быстрая победа над антигендерными движениями, а как комбинация медийной работы, коалиционности, международной адвокации, образовательных практик и стратегий деполяризации. Общим является уход от узкой реактивности и ставка на альтернативные нарративы и солидарность. Вместе эти практики определяют сопротивление как долговременный процесс сохранения сообществ и смыслов в условиях нарастающего давления.

Заключение

Проведенное сравнительное исследование антигендерных движений в Беларуси, Грузии и Казахстане показывает, что антигендерная идеология в этих странах стала значимым элементом государственной политики, публичной риторики и механизмов контроля над гражданским обществом. Несмотря на различия в политических режимах, степени репрессивности и институциональных условиях, во всех трех кейсах антигендерная повестка используется как инструмент символической мобилизации, легитимации авторитарных практик и ограничения прав женщин и ЛГБТ+ людей.

Анализ законодательного, политического и социального контекста 2020–2025 годов демонстрирует общий тренд на консервативный поворот и сужение пространства прав и свобод. В Беларуси этот процесс носит наиболее жесткий и тотальный характер: после 2020 года страна фактически перешла к модели консолидированного репрессивного режима, в котором независимое гражданское общество было системно уничтожено, а антигендерная политика встроена в логику борьбы с «экстремизмом». Анти-ЛГБТ+ инициативы, расширительное толкование порнографии, риторика «защиты детей» и активное заимствование российских законодательных моделей формируют среду, в которой любые формы феминистской и квир-видимости рассматриваются как угроза государственности.

Грузия, в свою очередь, демонстрирует иной, но не менее тревожный сценарий. При формальном сохранении демократических институтов и прогрессивной правовой базы, принятой в предыдущие годы под давлением европейской интеграции, в стране происходит стремительный авторитарный дрейф. Антигендерная политика в Грузии проявляется через сочетание националистического, антиевропейского и религиозного дискурса, а также через институционализацию дискриминации ЛГБТ+ людей. Принятие законов об «иноагентах» и «ЛГБТ-пропаганде» демонстрирует переход от символической риторики к системным ограничениям, при этом государство по-прежнему избегает прямых массовых репрессий, делая ставку на правовую неопределенность и сдерживающий эффект репрессивных норм.

Казахстан представляет собой гибридный и противоречивый кейс. С одной стороны, в стране фиксируются отдельные позитивные сдвиги в сфере защиты прав женщин, включая криминализацию побоев и усиление ответственности за домашнее насилие. С другой стороны, эти изменения сосуществуют с усилением анти-ЛГБТ+ риторики, ростом цензуры, давлением на феминистские и квир-организации и постепенным заимствованием репрессивных моделей, сходных с российскими. Гендерная политика Казахстана выстраивается селективно: государство реагирует на резонансные случаи и общественное давление, но при этом воспроизводит антигендерную повестку как инструмент контроля, призывая к защите «традиционных ценностей».

Сравнительный анализ состояния правозащитного сектора показывает, что во всех трех странах феминистские и квир-организации оказываются в зоне повышенной уязвимости. Общими чертами являются финансовое удушение НКО, рост рисков для активисток, вынужденная неоплачиваемая работа и смещение фокуса с развития и продвижения собственной повести на выживание и кризисное реагирование. Однако различия принципиальны. В Беларуси правозащитный сектор практически полностью вытеснен в эмиграцию и подполье; в Грузии он формально сохраняется, но подтачивается через правовые механизмы контроля, в том числе экономического; в Казахстане давление носит менее прямой, но системный характер и сопровождается постоянной неопределенностью.

Анти-ЛГБТ+ и антигендерная политика во всех трех странах строится вокруг схожих нарративов: «защита детей», «традиционные семейные ценности», «национальный суверенитет» и противопоставление «западной идеологии» локальной культуре. Эти нарративы используются для легитимации цензуры, ограничения свободы выражения и дискриминационных практик. При этом в Беларуси и Грузии наблюдается прямое законодательное закрепление запретов (хотя закон о запрете «ЛГБТ-пропаганды» в Беларуси пока не дошел до финальной стадии принятия), тогда как в Казахстане долгое время преобладала практика неформального давления, которая в итоге также трансформировалась в формальные правовые ограничения.

Особое внимание в исследовании уделено анализу ключевых акторов антигендерных движений. Во всех трех странах важную роль играют государственные институты, провластные общественные организации, религиозные структуры и отдельные медийные фигуры. Существенным различием является степень институционализации: в Беларуси и Грузии антигендерная повестка открыто поддерживается на высшем политическом уровне, тогда как в Казахстане она часто продвигается через «общественные инициативы», петиции и высказывания отдельных депутатов, что создает иллюзию «общественного запроса».

Анализ влияния России подтверждает исходную гипотезу исследования, но в некатегоричном, недетерминистском ключе. Россия выступает важным источником антигендерной идеологии, нарративов и правовых моделей, однако ее влияние реализуется через локальные контексты и интересы. В Беларуси это влияние носит наиболее прямой и институционализированный характер; в Грузии оно опосредовано через антиевропейскую риторику, стремление к безопасности и сети пророссийских активистов и политических партий; в Казахстане – через селективное заимствование дискурсов и практик при формальном дистанцировании от российской политики. Таким образом, антигендерные движения в регионе следует рассматривать как результат взаимодействия транснациональных и локальных динамик, а не как простое «копирование» российской модели.

Наконец, анализ форм феминистского и квир-сопротивления показывает, что даже в условиях усиливающегося давления активистские сообщества продолжают выработать стратегии выживания, солидарности и адаптации. Во всех трех странах важную роль играют горизонтальные сети, транснациональное сотрудничество, обмен опытом и знаниями, а также фокус на безопасности и заботе внутри сообществ. При этом пространство для публичной видимости и долгосрочной адвокации существенно сокращается, что ставит под угрозу устойчивость движений в перспективе.

В целом исследование демонстрирует, что антигендерная политика в Беларуси, Грузии и Казахстане является не временным явлением, а структурным элементом текущих политических режимов. Она тесно связана с авторитарными тенденциями, кризисом демократических институтов и попытками государств контролировать социальные изменения. Понимание этих процессов и их сравнительный анализ имеют ключевое значение для разработки эффективных стратегий сопротивления и поддержки феминистских и квир-движений в регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

I. Используемая литература

1. Fairclough, N. (2003). *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London: Routledge.
2. Gorshenina, S. (2021). Orientalism, postcolonial and decolonial frames on Central Asia: Theoretical relevance and applicability. In B. De Cordier, A. Fauve, & J. Van Den Bosch (Eds.), *European handbook of Central Asian studies: History, politics & societies* (pp. 177-243). Stuttgart: Ibidem-Verlag.
3. Sagatienè, D. (2023). Challenging the 'Post-Soviet' label and colonial mindsets. *Verfassungsblog: On Matters Constitutional*. Berlin.
4. Sapsford, R., & Abbott, P. (2006). Trust, confidence and social environment in post-communist societies. *Communist and post-communist studies*, 39(1), 59-71.
5. Shevtsova, M. (2023). Religion, nation, state, and anti-gender politics in Georgia and Ukraine. *Problems of Post-Communism*, 70(2), 163-174.
6. Tlostanova, M. (2010). *Gender epistemologies and Eurasian borderlands*. New York: Springer.
7. Tlostanova, M. (2017). Postsocialist ≠ postcolonial? On post-Soviet imaginary and global coloniality. In D. Kołodziejczyk, C. Şandru (Eds.), *Postcolonial perspectives on postcommunism in Central and Eastern Europe* (pp. 28-40). London: Routledge.

8. Van Dijk, T. A. (2017). Discourse and power. London: Bloomsbury Publishing.
9. Wodak, R. (2009). The discourse of politics in action: Politics as usual. London: Springer.

II. Источники для дискурс-анализа

10. Официальный телеграм-канал республиканского общественного объединения «Белорусский союз женщин». <https://t.me/oobsqby>.
11. Sputnik Беларусь. (2023, 4 апреля). Гайдукевич об ЛГБТ: Я увидел четкую позицию главы государства. <https://sputnik.by/20230404/gaydukevich-ob-lgbt-ya-uvidel-chetkuyu-pozitsiyu-glavy-gosudarstva-1073983214.html>.
12. СБ. Беларусь сегодня. (2024, 8 июля). Сила Беларуси в том, что брендов у нас много – Гайдукевич. <https://www.sb.by/articles/sila-belarusi-v-tom-chto-brendov-u-nas-mnogo-gaydukevich.html>.
13. Позірк. (2024, 22 июля). Кочанова назвала представителей ЛГБТ людьми с отклонениями. <https://pozirk.online/ru/news/96944/>.
14. Азарёнок. СТВ. Беларусь, телеграм-канал. <https://t.me/AzarenokCTV>.
15. СБ. Беларусь сегодня. (2025, 20 декабря). Цензура Рождества и ЛГБТ-диктат в ЕС. Трамп vs Зеленский? Лукашенко на Newsmax. «Наедине с Боровиком» на СБТВ <https://www.sb.by/articles/tsenzura-rozhdestva-i-lgbt-diktat-v-es-tramp-vs-zelenskiy-lukashenko-na-newsmax-naedine-s-borovikom-.html>.
16. СБ. Беларусь сегодня. (2025, 27 марта). Задачи на новый этап развития страны. <https://www.sb.by/articles/spravedlivost-zakonnost-i-solidarnost.html>
17. СТВ. (2025, 15 сентября). «Неизлечимо больны» – Муковозчик прокомментировал первый однополый брак в Литве. <https://ctv.by/news/obshestvo/neizlechimo-bolny-mukovozchik-prokommentiroval-pervyj-odnopolnyj-brak-v-litve>.

18. Reform.news. (2024, 14 марта). Лукашенко: дело церкви – задавать нравственные ориентиры, а не заниматься политикой <https://reform.news/lukashenko-del0-cerkvi-zadavat-nravstvennye-orientiry-a-ne-zanimatsja-politikoj>
19. Netgazeti. (2025, 13 августа). „ნეიტრალური საქართველო“ EU-ში გაწევრიანების საწინააღმდეგოდ პლებისციტის ჩატარებას ითხოვს. <https://netgazeti.ge/news/782631/>.
20. Эхо Кавказа. (2025, 4 августа). Назад в горы и без однополых браков. <https://www.ekhokavkaza.com/a/nazad-v-gory-i-bez-odnopolyh-brakov/33494232.html>.
21. Эхо Кавказа. (2025, 17 июля). Грузинская мечта поспорила об экзистенциальном. <https://www.ekhokavkaza.com/a/gruzinskaya-mechta-posporila-ob-ekzistentsialjnom/33476930.html>.
22. Alt-Info. Грузия, телеграм-канал. <https://t.me/altinfocom>.
23. Бумага. (2024, 25 марта). «Российский закон № 2» или популизм? Власти Грузии решили запретить «ЛГБТ-пропаганду» и транспереход – правозащитники против. <https://paperpaper.io/rossijskij-zakon-2-ili-populizm-vl/>
24. Paper Kartuli. (2025, 14 августа). Плебисцит о вступлении в ЕС предложила провести «Единая нейтральная Грузия». <https://t.me/paperkartuli/23250>.
25. Канал РОО «Казахстанский Союз Родителей». Телеграм-канал. https://t.me/Qaz_ata_analar_odagy.
26. Единство Осознанных. Instagram-аккаунт. <https://www.instagram.com/e.o.qz/>.
27. ОФ «Благо-Дарю». Instagram-аккаунт. https://www.instagram.com/of.blago_daryu/.
28. Vlast.kz. (2025, 22 января). Депутат Жанбыршин требует пересмотреть решение по петиции о запрете пропаганды ЛГБТ. <https://vlast.kz/novosti/63550-deputat-zanbyrsin-trebu0t-peresmotret-resenie-po-peticii-o-zaprete-propagandy-lgbt.html>.

Исследование:
Антигендерные движения
в Беларуси, Грузии, Казахстане:
сравнительный анализ

Автор_ка:
Нина Павлова

Дата публикации:
Апрель, 2026

